ВРЕМЯ

Информационно-просветительская газета.

№ 9 (128)

2 сентября 2025 г.

Издается с 2015 года

Номер подготовлен при содействии Федерального агентства по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству, Свердловского регионального отделения НК ИКОМОС, Россия, Информационно-просветительского центра Всемирной Федерации АЦК ЮНЕСКО

ПЕРФОРМАНС СЕРГЕЯ БИРЮКОВА

К 75-ЛЕТИЮ ПОЭТА, ФИЛОЛОГА, ТЕОРЕТИКА И ПРАКТИКА АВАНГАРДА И 35-ЛЕТИЮ ОСНОВАННОЙ ИМ АКАДЕМИИ ЗАУМИ

«Вы знакомы с Сергеем Бирюковым!? Он – гений!» – пропела одна поэтесса на Волошинском фестивале. «Бирюков, конечно, хорош! Но на гения не похож», – заявил на следующий день склонный к каламбурам Миша Стрельцов – мой земляк и по совместительству председатель красноярского регионального представительства Союза российских писателей. Больше никто своих мыслей о масштабах личности Бирюкова мне не сообщал, а жаль, занимательная получилась бы статистика.

Познакомился я с Сергеем Евгеньевичем осенью 2011 года на литературном мероприятии в восточногерманском Лейпциге. Он выступал в присущей ему манере. Передать словами то, как Сергей читает стихи, невозможно, да и бессмысленно. Пение, мимика и пластика его вначале поразили, затем взволновали мою память – я почувствовал себя вновь ребёнком, слушающим разговор взрослых за праздничным столом. Артистичность Сергея показалась мне не наигранной, как это бывает у актёров-чтецов, а естественной, природной, берущей своё начало в крестьянской культуре. Как оказалось, я не очень ошибался, он родом из тамбовской деревни. В общении тамбовчанин, а на тот момент преподаватель университета им. Мартина Лютера в городе Галле, оказался непосредственным и открытым. Сергей написал на клочке бумаги свой имейл и попросил прислать подборку стихов. «О, вы из Красноярска! – обрадовался он будто старому знакомому, – присылайте поскорее, сделаем публикацию на родине», – и пошёл дальше общаться с людьми, это он делать любит и умеет. Я не особо поверил в расположение ко мне незнакомого человека. Мало ли что можно пообещать мимоходом. Но Бирюков сдержал своё слово, и уже в феврале 2012 года при его непосредственном содействии, состоялась моя первая публикация в красноярском журнале «День и ночь». Позже он не раз помогал с публикациями, мы выступали вместе. Я переводил стихи Сергея и его друзей на немецкий, публиковал их в литературных журналах.

После всех совместных предприятий и активностей я не побоюсь назвать Сергея Бирюкова своим крёстным литературным отцом. Он первый настоящий поэт, которого я встретил, человек, не просто пишущий стихи, но активно участвующий в литературном процессе по всему миру. И что самое интересное, по моим наблюдениям, у Бирюкова таких крёстных детей с десяток. Когда он всё успевает, ума не приложу! Наши редкие встречи компенсируются регулярными телефонными звонками, и Сергею всегда есть что рассказать. «Вы знаете, Япония – это какой-то вселенский техно-хаус, – говорит он мне после возвращения с востока, – там всё электронное, всё пищит и куда-то несётся». «Сергей, с новой публикацией. Хорошая получилась!» – поздравляет он меня в следующий раз. Ему удаётся быть всегда в курсе всех литературных дел. При этом он не зарегистрирован ни в одной социальной сети. Поразительно!

Фото А. Веселовского

Фотографии из личного архива С.Е. Бирюкова. Фото А. и Б. Ладыгиных

Одиннадцатого марта 2021 года я получил письмо следующего содержания: «Верховный Синклит Академии Зауми присудил Вам Международную Отметину имени отца русского футуризма Давида Бурлюка, и таким образом Вы становитесь полным академиком Академии Зауми! Наши поздравления! Продолжим общение на новом этапе». Если бы я не знал отправителя, то решил бы, что это розыгрыш. Но отправителем был не кто иной как президент Академии Зауми – Сергей Евгеньевич Бирюков. По прошествии десяти лет он смог удивить меня ещё раз. В международную Академию Зауми, которая была им основана в 1990 году, входит больше сотни поэтов и учёных по всему миру. Сергей Бирюков умеет объединять людей. При этом он умеет радоваться успехам друзей – в среде литераторов качество «редкоземельное». Работоспособность Бирюкова (он может загореться почти неосуществимым проектом), его открытость, готовность помочь словом и делом, казались мне поначалу каким-то сверхкачеством, но со временем я понял, что это его естественное состояние. Ведь не упрекаем же мы пчелу за усердие и любовь к солнцу?

Среди нескольких сотен публикацией Бирюкова и о Бирюкове мы решили выбрать тексты симптоматичные как для творчества Сергея Евгеньевича, так и для времени, в котором они были созданы. По этому же принципу мы подобрали материал за прошедшие три с половиной десятилетия существования Академии Зауми. О Бирюкове – поэте и учёном – повествуется в нашем выпуске подробно; очень субъективно я попытался рассказать о Бирюкове-человеке, каким я его знаю, способным удивлять и удивляться. Наш знаменитый тёзка Сергей Довлатов точно сформулировал в прошлом тысячелетии, что «у гениев должны быть знакомые. Но кто поверит, что его знакомый – гений?!» Верить или нет – личное дело каждого. Какая реакция за этим последует – не угадать. На то он и гений.

С юбилеем, дорогой Сергей! Долгих лет жизни Вам и продолжения Вашего Перформанса!

Редактор-составитель номера
Сергей Тенятников
поэт, переводчик,
член Союза российских писателей,
Академии Зауми,
Клуба писателей Кавказа,
редакционного совета журнала «Веси»

№ 9
2 сентября 2025 г.
ВРЕМЯ
Информационно-просветительская газета

СЕРГЕЙ БИРЮКОВ: ВЫРАСТИТЬ ДЕРЕВО РУССКОЙ ПОЭЗИИ...

– В ряду ваших научных и творческих интересов исторический авангард, как и вся литература эксперимента, занимает особое место. Причём с тех давних ещё времён, когда академическое литературоведение даже от Хлебникова нос воротило, не говоря уже о поэтах 60–80-х годов. Почему авангард?

– Видимо, сыграла свою роль генетика! Моя мать – Бирюкова Зинаида Никитична – учитель-словесник, была поклонницей Маяковского, замечательно читала его стихи, и я лет с пяти читал детские книжки Маяковского. Дальше – больше. В отроческие годы я повесил над своей кроватью портрет поэта. Книги Маяковского и о нём каким-то образом постоянно приходили ко мне. После школы я некоторое время работал на заводе и на первую зарплату купил тринадцатитомник Маяковского (он стоил 13 рублей!). Это как-то соотносилось с 13-м апостолом, которым Маяковский себя именовал. В этом собрании, в примечаниях было множество имён. Я шёл по именам и открывал для себя целый неведомый мир. В 1971 году на филфаке в Тамбовском пединституте я написал курсовую работу «Маяковский и русский футуризм» и успешно её защитил. Позднее я говорил с Геннадием Айги, для которого Маяковский тоже был проводником в поэтические миры. Михаил Светлов даже называл его чувашским Маяковским.

– Сегодня отношение науки к литературному авангарду поменялось радикально или всё-таки можно говорить лишь о «послаблении», осторожном интересе?

– Конечно, изменения произошли значительные. Выходят академические тома под грифами РАН, защищаются диссертации, проходят конференции. Это началось в 1985 году – в год столетия Велимира Хлебникова. Я помню первую конференцию 85-го года в Астрахани, посвящённую Велимиру. Это было невероятное счастье. В том же году я провёл вечер Хлебникова в Тамбове. Хлебников всем нам своим столетием открыл дверь в мир!

– А кстати, пренебрежение литературой поиска имело место только в нашем литературоведении или в других странах авангард тоже находился на периферии науки?

– В других странах было проще с авангардом, им занимались уже с послевоенных лет. К настоящему времени вышло огромное количество работ, в том числе о русском авангарде. Однако это совсем не означает, что авангард стал очень популярен там, где им давно занимаются учёные. Есть довольно узкий круг знатоков и ещё более узкий интересующихся.

– Удивительно: классический авангард ведь дал огромный толчок всей поэзии, раздвинул границы текста и смыслов, без футуристов не было бы ни Мартынова, ни Бродского, ни Вознесенского! Почему же в литературоведении так долго смотрели на «всех этих кручёныхов», брезгливо оттопырив нижнюю губу? А многие литераторы и по сию пору не скрывают своей брезгливости.

– Это долгий разговор... Большую роль играли идеологические установки, мол, авангард – это «мелкобуржуазные выверты». Подобных ярлыков было много. Ну, и приветствовалась такая «литература от сохи», «от станка» и вроде того, что «мы университетов не кончали». То есть простота хуже воровства. Эта малограмотность в писательской среде не изжита до сих пор. Но есть ещё и, так сказать, грамотные, которые соотносят авангард с большевизмом и не принимают его по этой причине. Так называемый мейнстрим в основном сосредоточен на перепевании классических форм, и в этом он сближается с масскультом, включая отечественный рэп.

Фото В. Федулова

– Для основной массы даже хорошо начитанных людей само понятие, слово «авангард» – нечто ругательное: нечто непонятное, необязательное искусство/литература, удел чудаков-маргиналов и, хуже, бездарностей, не умеющих «излагать мысли ясно». Когда же им указываешь на творчество Маяковского или Хармса, отвечают: «Ну, какой же это авангард! Это классика». Ситуация получается какая-то парадоксальная, «хармсовая»: исторический авангард, творчество русских (и не только) футуристов – факт литературы, предмет литературной гордости, признанности и изучаемости, но из всего пантеона признаётся только Маяковский: Хлебников со скрипом продирается к читателю – слишком сложен; Кручёныха не воспринимают всерьёз и за пределами «дырбулщыла» просто не знают; Каменский и Зданевич практически не известны... А ведь это всё литература, которая, казалось бы, благодаря тем же игровым моментам, могла бы легко достучаться до молодого читательского сознания. Почему так происходит? Может, надо отбросить пугающее слово «авангард»?

– Как говорит нам Экклезиаст: время разбрасывать камни и время собирать камни. Если лет 50 что-то замалчивать, то потребуется, как минимум, столько же, чтобы «отмолчать». Я сейчас вот в книжном магазине увидел штук пять изданий (в разных издательствах, почти одновременно!) книги Василия Кандинского «О духовном в искусстве». А ведь эта книга, изданная по многу раз на десятках языков, к нам пришла только в начале, кажется, 1990-х. Я где-то тогда её выхватил, издана была плохенько, чуть ли не на газетной бумаге. Путь один – издавать, переиздавать, писать об авангарде, представлять в школьной программе. В 1994 году вышла моя книга «Зевгма. Русская поэзия от маньеризма до постмодернизма». Я до сих пор получаю отклики. Люди пишут, что впервые узнали многие имена, впервые узнали, что писать можно иначе, чем предписано. Сейчас, благодаря инициативе Сергея Дмитренко, вышел журнал «Литература», нацеленный на школьных учителей. На обложке обозначено «Авангард в современной школе». То есть после некоторого прорыва в научной сфере авангард, наконец, приходит и в школьные классы. Но тут же возникают вопросы: где найти столько учителей, которые были бы способны адекватно преподать авангард? Это и в других странах проблема.

– А можно в нескольких словах (или абзацах) обрисовать для начитанного, но ещё «не посвящённого» молодого человека, почему творчество Кручёных-Хлебникова-Каменского-Маяковского-Хармса (и т.д.) очень важно в истории всей русской словесности?

– Я для себя определил три этапа-эпохи в русской поэзии. И, следовательно, для каждой эпохи определяющий поэт. В XVIII веке – это Ломоносов, в XIX веке – Пушкин, в XX веке – Хлебников. То есть это поэты-фундаменталисты. Собственно всегда кто-то идёт в авангарде, тем самым создавая традицию. И Маяковский – сам крупнейший поэт, без обиняков признавал Хлебникова своим учителем. В двадцатом веке произошёл очередной слом в искусстве. Безусловно, у авангарда было мощное предшествие – в русской ситуации это символисты. Роль Анненского, Брюсова, Иванова, Кузмина, Блока, Белого неотменима. Но именно Хлебников сумел свести в единый пучок все лучи и направить их так, что его ближайшее окружение и более отдалённые последователи (прежде всего Заболоцкий, Хармс, Введенский, Бахтерев) смогли вырастить дерево русской поэзии XX века. Авангард работает не только со словом как таковым, но и с атомами слова, электронами. И это уже не отменить.

– Поиски незатёртого слова, новых форм и форматов ведь не закончились на русских футуристах...

– Да. Я уже сказал об обэриутах. Позднее был Николай Глазков. Он писал:

Был не от мира Велимир,
Но он открыл мне двери в мир.

Были Леонид Мартынов, Геннадий Айги, Андрей Вознесенский, Генрих Сапгир, Игорь Холин, Всеволод Некрасов, Леонид Чертков, Алексей Хвостенко, Дмитрий Авалиани, Ры Никонова, Сергей Сигей, Глеб Цвель, Анна Альчук, Вилли Мельников... Есть Елизавета Мнацаканова, Виктор Соснора, Константин Кедров... Большинство из них не проявлялись в печати, но подспудно их влияние ощущалось. И сейчас ощущается в большей степени, поскольку многое издано. Но есть ещё и не вполне открытые материки. Такой материк, на мой

взгляд, – творчество Георгия Спешнева, которым я занимаюсь больше 20 лет. Этот уникальный писатель, живший на Урале, всю жизнь писал в стол. Только недавно родственникам удалось издать небольшим тиражом два тома из его обширного наследия. Можно заглянуть на сайт, посвящённый писателю, там есть необходимые сведения.

– Не так давно мы вместе с вами жюрили конкурс палиндромной поэзии. Работ пришлось прочитать очень много, и в какой-то момент даже я усомнился: а поэзия ли палиндром (да и в целом комбинаторика)? Может, правы те, кто считает этот формат – сугубо игровым, а то и вовсе разделом лингвистики, но не поэзии.

– Подобные сомнения, конечно, возникают. Но, к счастью, такое понятие, как «талант», ещё не отменили. И авангардистам он тоже необходим! Крупнейшие поэты-палиндромисты Николай Ладыгин, Дмитрий Авалиани, Елена Кацюба со всей очевидностью это подтверждают. Игровой момент в поэтической практике при таланте тоже хорошо играет! Выдающийся филолог и велимировед Виктор Петрович Григорьев считал, что лингвистика и поэтика идут рядом и могут плодотворно взаимодействовать. Слабое отпадёт, сильное останется! Ну, в общем мы и судили-жюрили с этих позиций – присудив первое место чувашско-русской поэтессе, сверхталантливой Марине Карягиной.

На международной книжной выставке в Пекине

Фото Л. Осепяна

– А кстати, интересно ли вам современное поле поэзии поиска, есть имена и события, о которых должен знать любопытный читатель? Или всё уже написано, и сегодня поэты и художники вынуждены парафразировать на открытиях авангардистов 1910–1980-х годов? Возможны сегодня яркие прорывы?

– О присутствующих авангардно умолчим... Уже названы Константин Кедров и Елена Кацюба, которые не только сами глыбы современного авангарда, но и много делают по линии продвижения авангарда в массы! Это и теоретические работы Кедрова (его книга «Поэтический космос» должна стать настольной), и литературная группа ДООС, и «Журнал Поэтов». Это Евгений Степанов, который также автор теоретических работ, а без его журналов «Футурум-арт», «Дети Ра», «Зинзивер», газеты «Поэтоград» уже невозможно представить современный литпроцесс. В Москве же – Света Литвак, Маргарита Аль, Герман Виноградов, Амарсана Улзытуев, Анна Золотарева, Денис Безносов. В Петербурге – Виктор Соснора, Владимир Эрль, Александр Горнон, Петр Чейгин, Борис Констриктор, Борис Шифрин, Арсен Мирзаев и более молодые Петр Казарновский, Валерий Кислов, Павел Байков. В Курске – Александр Бубнов. В Новосибирске – Борис Гринберг. В Братске – Владимир Монахов. Это только перечисление, за каждым именем стоят свои достижения. Сейчас, благодаря интернету, легко стало найти тексты авторов. А это особенно важно, поскольку авангард работает на стыке визуального и звучарного.

– Среди молодых поэтов и прозаиков, которые участвуют в мероприятиях Библиотеки для молодёжи, довольно много тех, кто пробует свои силы и в комбинаторной поэзии, и в звучарном стихе, и в визуальной поэзии. Делают это в стремлении найти то самое «незатёртое слово», свежее дыхание языка. Но опасаясь быть непонятыми, пишут чаще всего в стол. Что бы вы им посоветовали?

– Не хочется давать советы, так сказать, с высоты прожитых лет. Сейчас есть разные возможности – журналы, интернет, конкурсы, фестивали, есть где показаться, найти единомышленников. И ещё важно обращаться к опыту предшественников, как и помогать поэтам приходить в их будущее. Вспомним хорошее хлебниковское слово – «Будетляне»!

Вопросы задавал
Евгений ХАРИТОНОВ
Опубликовано 18.10.2018
в «ТЕРРИТОРИЯ L» –
ежемесячная онлайн-газета
Российской государственной
библиотеки для молодёжи.

№ 9
2 сентября 2025 г.

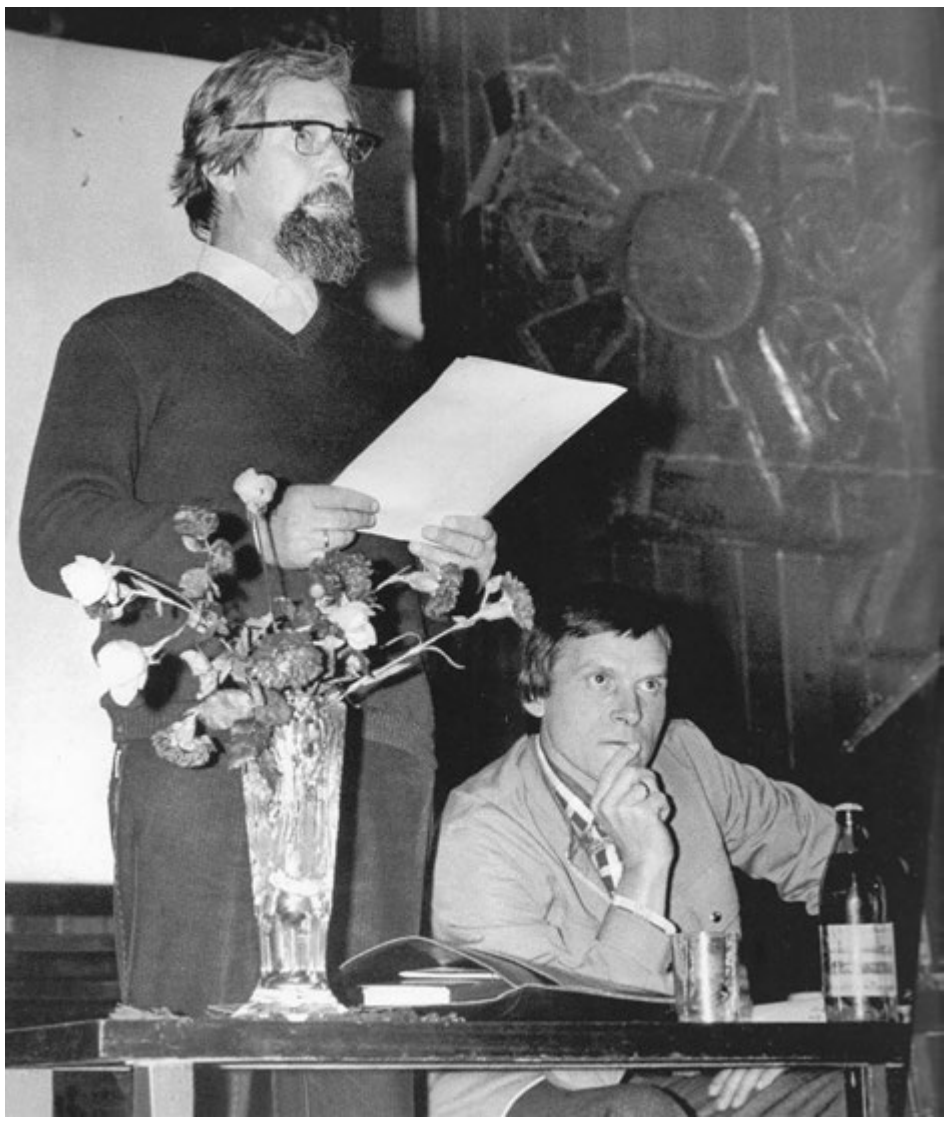
ВРЕМЯ

Информационно-
просветительская
газета

СЕРГЕЙ БИРЮКОВ
(МГЛУ)

К ХЛЕБНИКОВУ

К 140-летию со дня рождения
русского поэта Велимира Хлебникова (1885–1922)

100-летие Велимира Хлебникова в Тамбовском Доме актера. Профессор В.Г. Руделев и С.Бирюков. Фото А. и Б. Ладыгиных.

Невозможность однозначного определения Авангарда и построения непротиворечивой теории этого направления связано с текучестью форм, которые явлены авангардными авторами. Наиболее близкое нам определение принадлежит Александру Флакеру, который говорит об Авангарде как о стилевом течении.

Понятно, что течение = направление. Но я бы использовал здесь и другое значение – текучесть. То есть подвижность, постоянное изменение стиля, форм и, в конечном счете, – художественных решений. Авангардисты как бы по самой природе своей принуждены постоянно что-то изобретать, даже актуализирование форм прошлого для них тоже изобретение, поскольку это понимание на новом этапе (например, актуализация палиндромии и других комбинаторных форм).

Как отказ от любых рамок и канонов, так и закрепление некоторых форм в переосмысленном виде могут быть авангардными явлениями. Переосмысление не только художественных приемов, но и других форм интеллектуальной деятельности человека – фундаментальны для Авангарда.

Как мы знаем, наиболее последовательно и разнообразно такую текучесть являл в своих творениях Велимир Хлебников: в поэзии, прозе, исторических штудиях, эстетических построениях. Несмотря на значительные достижения в изучении наследия Хлебникова, представленные известными нам всем именами, мы все-таки еще недостаточно осознали, какой мощный поворот в культуре осуществил Поэт.

Если воспользоваться известным словом Романа Якобсона, необходимы новые подступы к описанию инвариантов творений Будетлянина и других авангардистов. Речь идет о поиске адекватных путей анализа авангардной поэтики и в перспективе – о создании собственно новой аналитической поэтики. А поскольку такая форма анализа еще не сложилась, будем совместно искать новые подступы.

Провокативность хлебниковской поэтики во всех ее проявлениях – в практической и теоретической – в неспециальности, ненарочитости. Но Хлебников, конечно, не просто пишет стихи, а создает новую систему поэзии. Язык становится основанием новой поэтики, в то время как раньше основанием служили тематика, формы, жанры. Отдельное слово уже несет в себе поэзию («слово как таковое»), отдельный звук – уже поэзия. Он предлагает действовать «наималами» («наимал слуха», «наимал ума»), то есть мельчайшими единицами. Через наималы можно, по его мысли, проникнуть в ЗА-слово, найти прямой вход в денотат, в означаемое. Его поиски в этом направлении оказываются родственными лингвистическим поискам – от Фердинанда де Соссюра до Бодуэна де Куртенэ. И поскольку это был поиск поэта и ученого в одном лице, то многие его произведения становились своего рода поэтическими трактатами.

Он был как бы новый Аристотель, Буало, Ломоносов. Но при этом не именовал творения трактатами и не строил их согласно традиции, как, например, Ломоносов выстраивал свой стихотворный трактат «О сомнительном произношении буквы Г в русском языке».

Так «Заклятие смехом» выглядит внешне как стихотворение и как именно заклинательный текст.

Хлебников вроде бы ставит перед собой формальную задачу – по «скорнению», «сопряжению» слов. Он работает с языком, стремясь максимально выявить возможности корневого гнезда, к которому принадлежит слово «смех». Из лексем в корневой связке Хлебников строит произведение, довольно сложно разработанное, в котором начальный посыл получает усиление видоизменением слова: мало того, что смеются, но еще смеются смехами, мало, что смеянствуют, но делают это смеяльно и т.д. Это динамика стиха, а вот и статика – повтор одного слова: Смейево, смейево. Таким образом создается гамма, веер возможностей смеха. И одновременно показывается возможность создания текста на однокорневой основе, когда повтор осознается как инвариант. Здесь это представлено в чистом виде, подобно кристаллу.

Другой вариант поэтического трактата предстает в известном «Бобэоби...»:

Бобэоби пелись губы,
Вээоми пелись взоры,
Пиээо пелись брови,
Лиээй – пелся облик,
Гзи-гзи-гзэо пелась цепь.
Так на холсте каких-то соответствий
Вне протяжения жило Лицо.

Здесь два ряда: звуковой и логический. Левая сторона представляет собой чистое звучание, дающее настрой правой стороне – логической. Здесь двойное взаимодействие: чистый звук наполняется отсветом словесной логики, а последняя вбирает в себя приемы звуковедения. Поэтому правая часть интонируется и артикулируется в соответствии с тем, что задается в левой части.

Проработанность звукового ряда обостряет привычное звучание слов логического ряда, перестраивает слух. Известные нам слова мы как бы произносим и слышим впервые. Они отражаются в звуковых подобиях.

Так «на холсте» музыкальных и словесных соответствий возникает Лицо. И это лицо Гармонии, Природы, Бога, Гения, Автора, Читателя.

Звук и слово движутся, как параллельные прямые, вне протяжения и пересекаются в точке Лица.

Перед нами не только блестящее произведение, одно из первых в мировой практике звуковой поэзии, но и собственно трактат о новой поэтике. Трактат, конечно, лишенный объяснительных средостений, просто луч направлен на объект, и все детали объекта укрупнены, преувеличены, чтобы мы могли их внимательно рассмотреть и запомнить.

Понимая, что «должен сеятель очей идти», Хлебников делает и записи пояснительного характера. Он пишет, в частности: «Слово живет двойной жизнью. То оно просто растет, как растение, плодит друзу звучных камней, соседних ему, и тогда начало звука живет самовитой жизнью, а доля разума, названная словом, стоит в тени, или же слово идет на службу разуму, звук перестает быть ''всевеликим'' и самодержавным: звук становится ''именем'' и покорно исполняет приказы разума; тогда этот второй – вечной игрой цветет друзой себе подобных камней» (1). Здесь важно, что друза – группа сросшихся друг с другом кристаллов, напоминающих цветок. То есть, Хлебников выявляет кристалли-

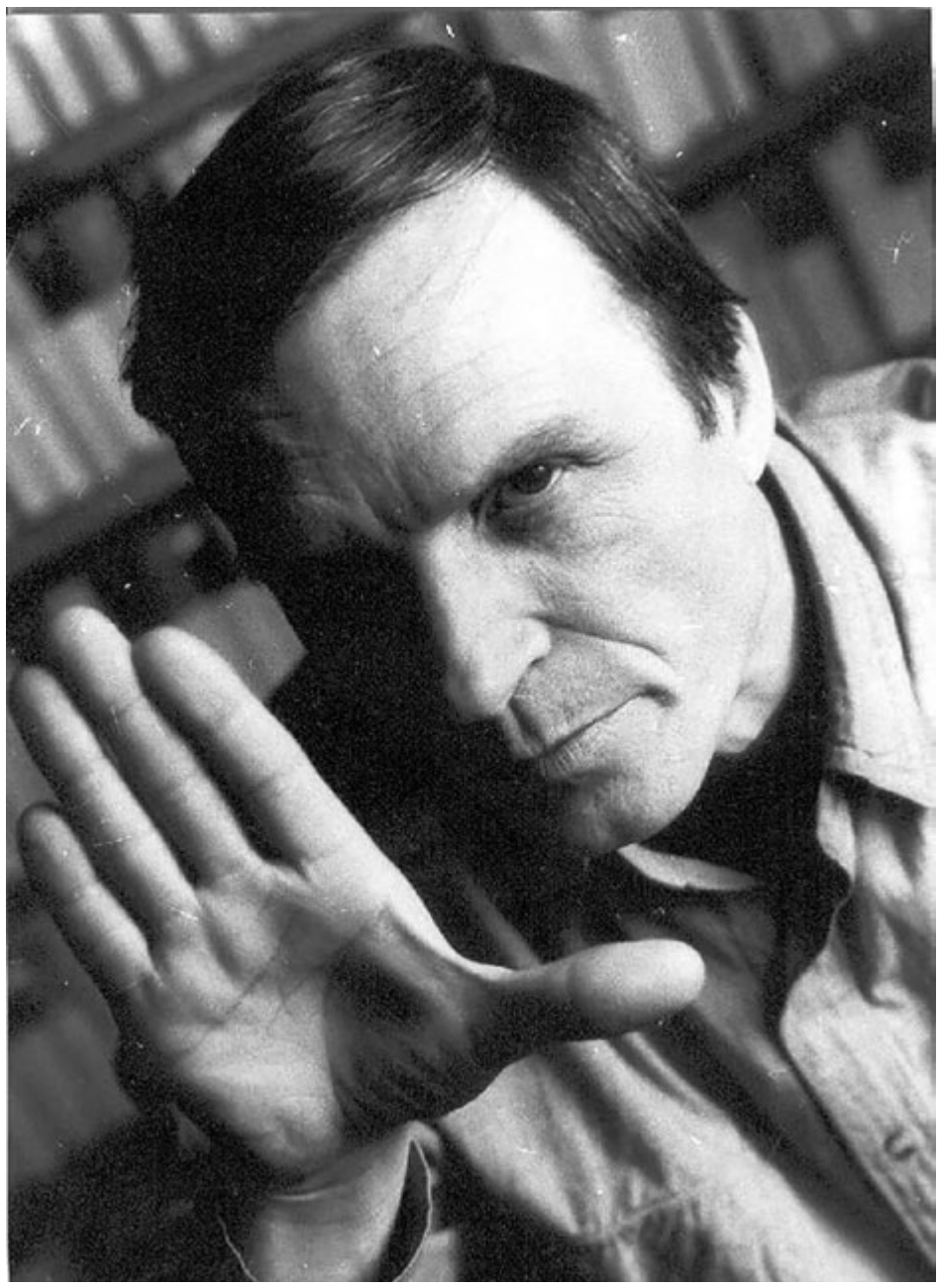
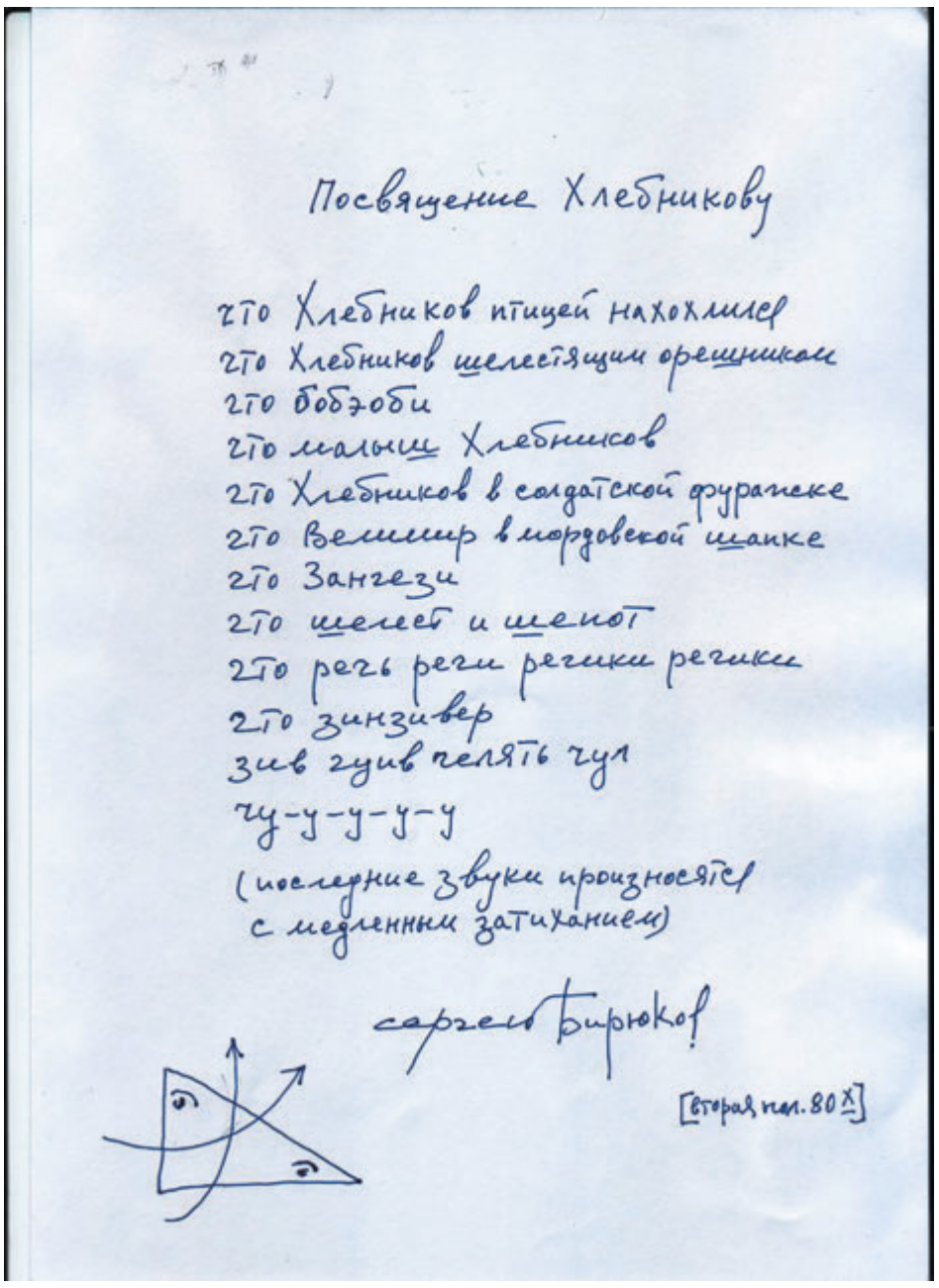

Фото А. и Б. Ладыгиных

ческую природу словесного поэтического искусства.

Напряжение между словом-звуком и словом-понятием поэт разрешает различными путями. Один из них – обращение к палиндрому.

Палиндром он трактовал «как отраженные лучи будущего, брошенные подсознательным ''Я'' на разумное небо». Это сокращение пути к подсознанию из подсознания. Звуковой состав палиндромической строки обострен, и в этом как раз состоит смысл – пробуждение звукового отклика.

Хлебников впервые в русской поэзии применил палиндром в качестве строительного материала для стихотворения большой протяженности. В 1920 году он напишет таким стихом целую поэму «Разин» и окончательно узаконит палиндромическую форму в русской поэзии, во второй половине века палиндромические стихи станут непременной частью российского поэтического пейзажа.

Догадка о палиндромии как устройстве стиха имела еще одно разрешение – выход к анаграмматизму в письменном выражении и к паронимии – в звуковом. На этом принципе построено почти целиком стихотворение «Пен пан». Анаграмматический метод используется во многих вещах, но здесь особенно нагляден.

Хлебников вслушивался в музыку речи, улавливая мельчайшие звуковые оттенки перетекания из одного слова в другое. Он овладевает внутренней формой слова настолько, что кажется, будто эта форма содержится в поэте изначально.

Но на этом его поиск не кончается. Он создает каждый раз новые произведения-концепты. Очень важны для понимания того, что делал Хлебников, два таких произведения-концепта в сильнейшей компрессивной форме. Приведем их.

Когда умирают кони – дышат,
Когда умирают травы – сохнут,
Когда умирают солнца – они гаснут,
Когда умирают люди – поют песни.

Разумеется, этот текст может восприниматься как лирическое стихотворение, но под видом лирики здесь скрывается описание целого мироздания. И в то же время это своеобразное руководство по экономии средств в поэзии. Как можно, сокращая словесное пространство, добиваться наибольшей выразительности. Как очень точно определил важнейший принцип поэтики Хлебникова Жан-Клод Ланн, мы имеем дело с таким «скоплением семантической энергии, которое в будущем положит начало длинной цепи интерпретаций»(2).

Еще один текст обращает нас к литературе:

О достоевскиймо бегущей тучи.
О пушкиноты млеющего полдня.
Ночь смотрится, как Тютчев,
Замерное безмерным полня.

И здесь мы снова видим высокую степень компрессии. Четырьмя строками охвачен космос русской литературы, рожденной в XIX веке и живущей уже вне времени и пространства, покрывающей собой замерное. По сравнению с предыдущим текстом здесь важную роль приобретает необычная неологизация – достоевскиймо и пушкиноты. И опять перед нами непредсказуемость гения, который каждый раз находит индивидуальную форму для выражения невыразимого.

Рудольф Дуганов, анализируя это произведение, справедливо говорит о том, что «Тютчев» у Хлебникова «знаменует... имя мира, созданного его творчеством» (3).

Само произведение Хлебникова «О достоевскиймо...», разумеется, имеет множество прочтений. На мой взгляд, то, что Тютчеву отведены две строки из четырех, и они заключающие, означает некоторый приоритет и перевес. Тютчев (то есть его мироздание) здесь объемлет все, ночь – это всего лишь состояние, при котором космос – безмерное – виден наиболее отчетливо. Значит ли это, что Достоевский и Пушкин, то есть их миры – замерное? Это вариант логического прочтения. Однако у поэзии, как известно/неизвестно, своя логика.

И здесь эта логика охватывает все пространство от О до А. Если О это полнота всего, то и последнее слово ПОЛНЯ есть усиленный адекват О, при этом последний звук слова – А дает обратную перспективу, то есть отсылает к началу, к первозвуку и последнему звуку (А – первый звук, произносимый ребенком, и наиболее устойчивый к афазии звук, как учит нас психолингвистика).

При этом одна часть первой строки идет на полноте О в Достоевском, а вторая сгущается в У с намеком на Тютчева, во второй строке при полногласии пушкинот и полдня окаймляют новый намек с Й-У плюс Щ, которое перекликается с Щ в первой строке. Первые два слова последней строки – своего рода ключ и замок, первое слово частично входит во второе, а разрешается все полногласием. Таким образом перед нами возникает своего рода кристаллическая решетка атома поэтического мироздания, где все элементы подвижны и активно перемещаются в этом безмерном пространстве космоса-поэзии.

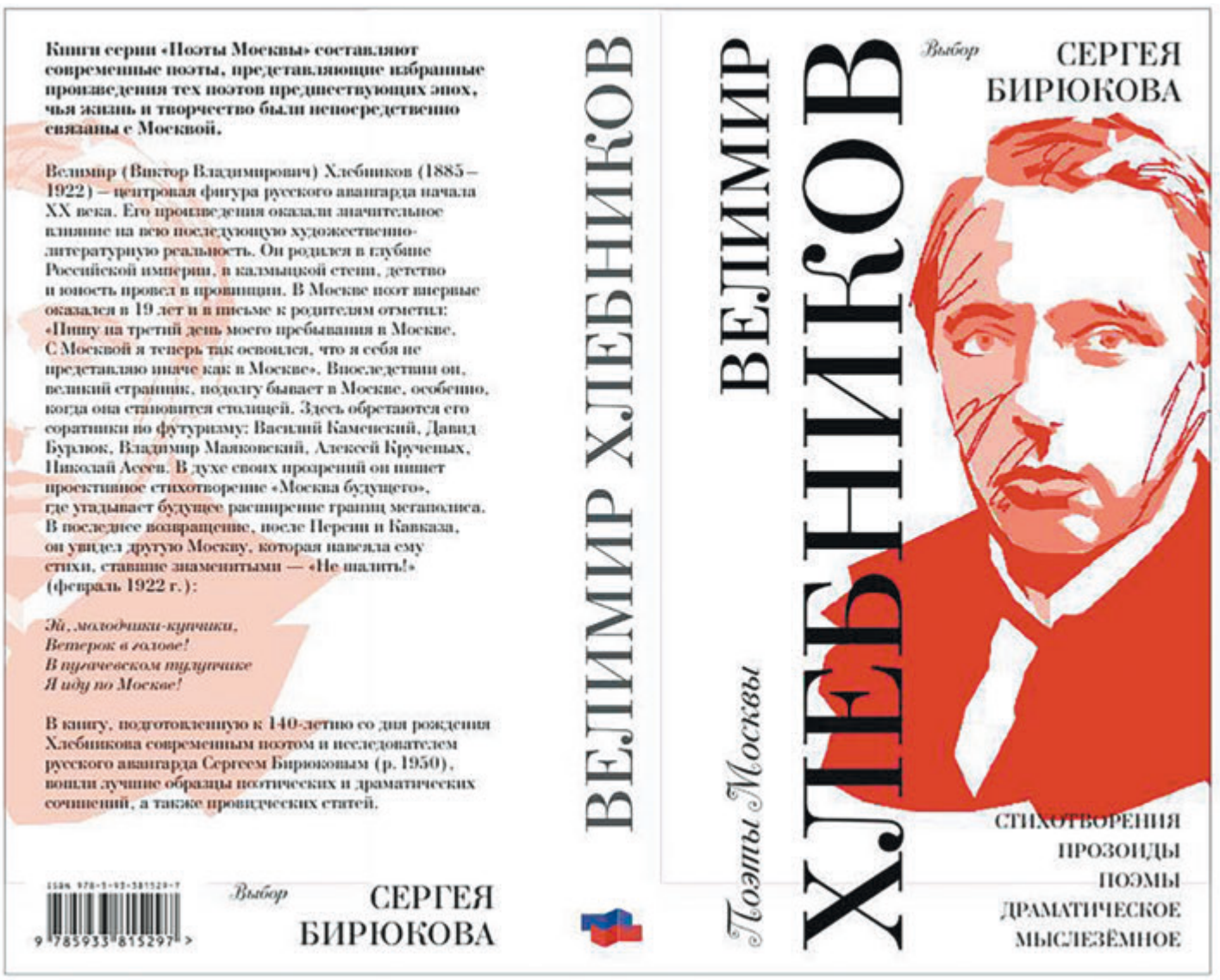
Незадолго до физического ухода из относительной действительности Хлебников написал довольно простое произведение «Еще раз, еще раз...», в котором предупреждал взявших «неверный угол сердца» к поэту, что они могут разбиться о камни, о подводные мели... Поиск верного угла сердца к Хлебникову не закончен, он продолжается, как продолжается воздействие его поэзии, иногда самыми неведомыми путями. Его творчество – это удивительная река, с глубокими затонами и непредсказуемыми изгибами, в которых таится еще так много открытий для будущего...

Примечания.

1. Хлебников В. Творения. М.: Советский писатель, 1986, с. 632

2. Ланн Ж.-К. Время и поэтическое слово у русских футуристов // Велимир Хлебников, будетлянский поэт. Научно-исследовательский Центр им. Андре Лиронделя, Университет им. Жана Мулена – Лион 3. Лион, 2009, с. 455–456

3. Дуганов Р.В. Велимир Хлебников и русская литература. Статьи разных лет. М.: Прогресс-Плеяда, 2008, с. 13. Здесь уместно привести определение, сформулированное Р.В.Дугановым в его статье «Краткое ''искусство поэзии'' Хлебникова», опубликованной в 1974 г.: «Своеобразие, трудность и вместе с тем убедительность этого стихотворения заключается в том, что перед нами одновременно и поэтическая декларация, и поэтическая ''вещь'', и поэтический принцип, и его полное воплощение, и философия ''слова'', и сам живой организм ''слова'' в его противоречивом единстве» (с. 24).

Велимир Хлебников: Выбор Сергея Бирюкова. – М.: Б.С.Г.-Пресс, 2025

№ 9
2 сентября 2025 г.
ВРЕМЯ
Информационно-просветительская газета

СТУДЕНТЫ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ ТЕЛЕВИДЕНИЯ ПРИ МГУ О МАСТЕР-КЛАССЕ СЕРГЕЯ БИРЮКОВА

19 марта 2025 года в Высшей школе телевидения при МГУ им. М.В.Ломоносова прошел мастер-класс Сергея Бирюкова на тему «Поэзия и аудиовизуальные СМИ», который вызвал большой интерес студентов и целую серию откликов. По сути дела этот мастере-класс стал своеобразным замером в среде будущих работников телевидения заинтересованности в представлении современной поэзии на ТВ, понимания необходимости поиска новых форм.

После лекции в МГУ

Мария Максимова, 2-й курс бакалавриата.

Это был настоящий творческий взрыв!

Мастер-класс Сергея Евгеньевича Бирюкова оставил неизгладимое впечатление, соединив глубину академического знания с живой энергией поэтического слова. С первых минут стало ясно: перед нами не просто лектор, а человек, чья жизнь пронизана искусством во всех его проявлениях.

Сергей Евгеньевич мастерски раскрыл тему звукового и визуального в русской поэзии, погрузив аудиторию в мир, где буквы танцуют, а слова обретают цвет и форму. Его анализ классических и современных произведений, подкрепленный примерами из собственного творчества, показал, как поэзия выходит за рамки текста, становясь многомерным искусством. Особенно запомнилось то, как были прочитаны стихи, я бы даже сказала пропеты. Это было не просто лекцией, а путешествием в лабораторию гения.

Его рассказы о журналистике добавили практичности: Сергей Евгеньевич щедро делился лайфхаками, как сохранить творческую свободу в медиасреде и вдохновлять студентов. А взгляд на современную поэзию стал откровением: он не просто анализировал тренды, а показал, как традиция и новаторство сплетаются в единый живой организм.

Финальная часть с ответами на вопросы студентов раскрыла его ещё и как мудрого наставника. Каждая реплика Бирюкова звучала искренне и весомо, что неудивительно для лауреата премий Тютчева и «Писатель XXI века», чьи работы переведены на 35 языков.

Сергей Бирюков – редкий пример универсального творца: поэт, учёный, журналист, член четырёх профессиональных союзов, человек, для которого поэзия не профессия, а способ жизни. После этой встречи хочется перечитать его стихи, заняться экспериментами со словом и, конечно, снова попасть на его выступление. Это не просто мастер-класс – это вдохновение на годы вперёд!

Тем, кто ещё не знаком с творчеством Сергея Евгеньевича, настоятельно рекомендую: его лекции и книги – это билет в мир, где поэзия оживает, звучит и вибрирует. Не упускайте шанс!

Ксения Анисимова, 1-й курс бакалавриата.

Мастер-класс Сергея Евгеньевича Бирюкова стал для меня увлекательным погружением в мир поэзии, расширившим представление о возможностях взаимодействия слова и образа. Лекция позволила по-новому взглянуть на поэзию не только как на литературный жанр, но и как на форму искусства, активно взаимодействующую с визуальными и звуковыми медиа.

Сергей Бирюков начал мастер-класс с теории. Он рассказал о значении «поэзии» в переводе с греческого языка, объяснил разницу между акростихом и телестихом, мы узнали о различных формах стихотворений. Оказывается, поэзия – это не только рифмующиеся между собой строки с определенным размером и рифмовкой. Благодаря визуальным и аудиальным приемам, она может принимать совершенно другой вид.

Более всего запомнилось уникальное прочтение Бирюковым некоторых стихотворений. Его видение звучания «Константинополя» (В.В.Каменский) не оставило равнодушным никого в аудитории.

Сложно объяснить словами, что происходило сегодня на лекции, это нужно увидеть, услышать, почувствовать. Очень интересно было посмотреть на поэзию под другим углом и узнать о ней что-то новое.

Мария Белова, 2-й курс бакалавриата.

Сегодняшняя встреча с Сергеем Евгеньевичем Бирюковым произвела на меня большое впечатление. На мой взгляд, это – один из самых интересных и запоминающихся мастер-классов, проходивших на нашем факультете.

Многим может показаться, что поэзия и телевидение практически не связаны между собой. Как массовая культура, движущей силой которой стало телевидение, может относиться к элитарной культуре, воплощение которой – стихотворения великих поэтов?

Однако Сергей Евгеньевич объяснил, как такие разные с виду вещи могут быть взаимосвязаны. Благодаря изображению. С помощью одного из свойств телевидения – экранности. Стихотворения могут визуально представляться по-разному, идти не линейно, а, например, как фигурные стихи – складываться фантазией автора в различные изображения. Они представляют интерес для читателей не столько содержанием, сколько формой и звучанием. Такие стихи можно очень интересно обыграть в телепередаче, заинтересовав зрителя отходом от классических правил литературного искусства. Именно таким образом, эмоционально затронув зрителя, можно популяризировать поэзию через телевидение.

Константин Матвеев, 2-й курс бакалавриата.

Поэзия в современном мире телевидения – это новое измерение восприятия слова. Сергей Бирюков не просто рассказал об этом, а погрузил аудиторию в живое звучание стихов. «Звучарная поэзия» – нечто среднее между музыкой и текстом, когда голос становится инструментом, а ритм – смысловым акцентом. Когда он прочитал своё произведение, зал замер. Это был момент чистой энергии слова, которая передавалась не только через смысл, но и через звучание.

Мастер-класс заставил задуматься: если классика пережила века, значит ли это, что она всегда будет актуальна? Или современная проза способна говорить с нами более понятным языком? Сергей Бирюков показал, что искусство слова – живой организм, который адаптируется, трансформируется и всегда находит отклик. Главное – искать новые формы выражения, не забывая о корнях.

Ирина Лобацкая, 1-й курс бакалавриата.

Будучи человеком творческого склада ума, всегда отрадно встретить в своей жизни творца. И вот судьба свела меня с Сергеем Бирюковым – поэтом-авангардистом.

Я уже давно не слышала, чтобы поэзию читали так: звучно, из глубины души, чтобы брало за живое. Бирюков декламировал нам стихи футуриста Каменского, из его «Железобетонных поэм», – и творения XX века оживали в XXI. «Поэзия – звучащая материя», – сказал позже Бирюков, и «Железобетонные поэмы» подтверждают его слова. Это надо именно слушать.

Очень много, с интересом говорили о форме в поэзии. Коснулись и акро-, и мезо-, и теле-, и фигурного стиха. Я смотрела на стихотворения самых разных видов и форм, от фигурных до нечитаемо перечеркнутых, и думала: а ведь это тоже поэзия. Поэзия есть синоним творения, синоним прекрасного вообще.

После этого мастер-класса хочется вновь браться за перо и писать. Это – вдохновение. Это – вера в бессмертие русской поэзии.

Ирина Сенчихина, 1-й курс бакалавриата.

Серию весенних мастер-классов открыл Сергей Евгеньевич Бирюков, и встреча с ним не оставила меня равнодушной. Поэт, признанный исследователь авангарда, педагог с международным именем заполнил аудиторию своим мелодичным, бархатным голосом.

Поэзия – это не только стихи, но и любая форма деятельности. Сергей Евгеньевич открыл мне много нового. Есть разные формы, часть из которых осознаётся при взгляде на них. В качестве примеров педагог приводил произведения разных столетий, однако больше всего мне запомнилась поэма «Константинополь» из цикла Каменского «Железобетонные поэмы», точнее, уникальная манера ее прочтения. Когда Сергей Евгеньевич начал читать, вернее, петь, я мысленно перенеслась в Турцию, на многолюдный базар, будто весь турецкий колорит передался мне с этими строчками. Ничто не могло меня отвлечь, настолько красивы и музыкальны были строчки.

Сергей Евгеньевич помог взглянуть на поэзию с другой стороны. Ее причудливые, нестандартные визуальные формы удивили меня. Смесь рисунка и стихотворения, визуального и аудиального создают интересный нестандартный эффект. Это нечто большее, чем кажется на первый взгляд. Поэзия – что-то вечное, собирающее прошлое, настоящее и будущее; что-то помогающее образами постигать этот мир. После мастер-класса у меня появилось желание познакомиться с футуризмом поближе, может, попробовать себя в нём. Главное – не пренебрегать поэзией, она на века.

Александра Старикова, 2-й курс бакалавриата.

«Потратив почти полвека на погру-

жения, каждый раз оказываешься в самом начале», – сказано в предисловии от автора в книге Сергея Евгеньевича Бирюкова «Авангард и трансформпоэтика».

Именно это загадочное направление в искусстве и культуре обсуждалось на сегодняшнем мастер-классе. Плюрализм идей, полет фантазии вдохновляет людей на поиск нового, на открытие неизведанного мира творчества.

Сергей Евгеньевич прочитал в своем особом исполнении стихотворения в стиле авангард. Это звучало удивительно, но интересно. Еще никогда я не была так близка к современной поэзии, как в этот день!

Спасибо, это легло в мою память и закрепилось там надолго отдельным, очень приятным воспоминанием!

Анастасия Лисёная, 1-й курс магистратуры.

Поэзия на телевидении возможна! – лозунг мастер-класса Сергея Евгеньевича Бирюкова, который стал настоящим открытием для всех участников. Его глубокое понимание поэзии и литературного процесса создало уникальную атмосферу, в которой каждый смог почувствовать себя частью творческого мира.

Сергей Евгеньевич не только делился своими знаниями о русском и зарубежном авангарде, но и активно вовлекал участников в обсуждение. Его подход к литературе основан на уважении к каждому мнению, что создало пространство для открытого диалога. Особое внимание было уделено анализу стихотворений, что позволило всем присутствующим лучше понять нюансы поэтического языка и технику создания образов.

Также стоит отметить его рассказы о литературных течениях и известных поэтах, что сделало занятие многофункциональным и образовательным. Участники ушли с новыми идеями и мотивацией продолжать писать и исследовать поэзию. А меня Сергей Евгеньевич замотивировал начать писать стихи! За что я ему безмерно благодарна.

В целом, мастер-класс Сергея Евгеньевича Бирюкова оставил яркие впечатления и вдохновение. Это было великолепное сочетание теории и практики, которое помогло многим открыть в себе новые грани творческого самовыражения. Безусловно, рекомендую всем, кто интересуется поэзией и литературой, посетить его лекции!

Дарья Дукарт, 2-й курс бакалавриата.

УЧИТЕЛЬ С БОЛЬШОЙ БУКВЫ

Мастер-класс Сергея Евгеньевича Бирюкова стал для меня настоящим открытием. Его подход к поэзии как к отражению многообразия мира через образное мышление открывает новые горизонты восприятия литературы.

Прочитанные им «Стихи теней» на русском, немецком и японском языках создали удивительную атмосферу, которая позволила ощутить уникальность и мощь каждого слова.

В книге Сергея Бирюкова «Року Укор. Поэтические начала» проявляется его образное мышление, которое помогает глубже понять суть поэтического творчества и проникнуться им.

Этот мастер-класс наполнил меня не только определенными знаниями, но и оставил яркое впечатление, вдохновив на более глубокое изучение поэзии и её возможностей.

Спасибо факультету за возможность пообщаться с человеком, который поистине «горит» своим делом!

Наталия Куличенко, 1-й курс бакалавриата.

Поэзия – это звучащая материя.
С.Е.Бирюков

Тема мастер-класса звучала как «Поэзия в аудиовизуальных СМИ», и, на мой взгляд, эту встречу с Сергеем Евгеньевичем Бирюковым можно признать одной из самых удавшихся «бесед» по «Телелаборатории»!

Студенты ВШТ буквально сразу вступили в диалог с гостем ещё до перехода к блоку «вопросов»: «Какие литературные журналы вы читаете?» – обратился он к нам. Это был прекрасный приём, чтобы вовлечь аудиторию сразу же непосредственно в тему рассуждения на паре.

«Року укор» – книга поэта Сергея Бирюкова про классификацию авангардной поэзии, содержание которой он не просто презентовал, но и далее на протяжении долгого времени на художественных примерах объяснял, что из себя представляют те или иные различные «формы» стихотворений. Это было весьма интересно и порой не на шутку захватывающе! Наш «лирический» гость, будучи «лириком», восхитительно и очень проникновенно декламирует разношерстные работы русских футуристов. Подобный перформанс произвел, я думаю, на каждого сидящего в аудитории особое впечатление – творческое открытие!

Честно, не могла и представить, что подобные тексты можно оформлять в виде коллажей, картин, геометрических фигур – да и чего угодно – таким образом, чтобы потом настолько неординарно и виртуозно пропевать строки, как это нам и продемонстрировал Сергей Евгеньевич!

Также мне очень понравилась мысль нашего гостя, что «поэзия – в переводе с греческого «деланье», «творение» – а значит, поэзий является и живопись, и танцы, и спорт и само телевидение!» Это подтверждает тот факт, что такие разноформатные предметы «слова» –ТВ-индустрия и поэзия совместимы, «они могут помогать друг другу и, наоборот, уничтожать».

Анна Каширина, 2-й курс бакалавриата.

«Поэтическому всегда есть место в жизни» – эта мысль стала для меня одной из главных за прошедший мастер-класс. Сергей Бирюков погрузил нас в бунтующий и яркий мир авангардной поэзии, с которым в настоящее время человек встречается не так часто. Мы узнали о видах стихов, о которых я прежде не слышала. Например, мезостих – когда буквы в середине каждой строки составляются в слово (если читать сверху вниз). Это позволяет воспринимать и осознавать не только вербально стихотворные произведения, но и визуально. Интересно, что подобными приемами поэты пользовались ещё задолго до века авангарда.

Конечно, больше всего впечатлило художественное чтение звучарной поэзии Сергеем Бирюковым. Игрой голоса, интонацией, жестикуляцией гость создавал образы, поражающие воображение. Мне кажется, такого чтения стихотворений я ещё не встречала в жизни.

Для меня было необычно сравнение поэзии и телевидения, которое предложил Сергей Бирюков: «телевидение и поэзия пытаются запечатлеть мир в разных его формах». В прозе жизни мы об этом и не задумываемся.

К сожалению, сейчас на телевидении редко звучат стихи. Но, думаю, после прошедшего мастер-класса у многих появились мысли о необходимости вернуть культуру художественного слова в медиа пространство.

СВЕРХ-НАД-ГИПЕР-МАКРО и ГИППО-МАКРО-МИЛЛИ

Эти строки – все еще проба.
Эта жизнь – еще только попытка.
Это – все еще – головой в прорубь.
От нехватки? От избытка?
С.Бирюков.

Второй семинар «Поэзия в университете» призван был раздвинуть еще шире границы познания слушателей в области современной поэзии. Беседа строилась как ввод в современный авангард поэзии, продолжающий традиции авангарда начала XX в. Казалось, что традиционная поэзия меркнет и исчезает под напором полунамеков, полусмыслов, полуслов, полузвуков, полурисунков.

На семинар был приглашен Сергей Бирюков, поэт и филолог, доктор культурологии, председатель Академии Зауми. О специфике творчества поэта написана крайне интересная статья Дениса Безносова, смысл которой, к сожалению, открывается только после личного знакомства с поэтом (http://www.topos.ru/article/).

Несколько слов о личном впечатлении. Будучи любителем классики, настороженно отнеслась к вступительным словам С.Бирюкова о границах, формах, смыслах современного авангарда в поэзии, а также к первым, прочитанным им, собственным произведениям.

Оказалось, что традиционные классические понятия ритма, размера, рифмы, времени и пространства в стихе не применимы к экспериментальному творчеству Сергея Бирюкова. Это нечто СВЕРХ, НАД, ГИПЕР, МАКРО и одновременно ГИППО, МИКРО, МИЛЛИ в отношении звука, слова, смысла. Это сплав тона, интонации, песни, заклинания, молитвы и Слова-Звука. Это единение музыки, ритма, слова, голосовых данных, артистической выразительности («артистическое шоу») – максимальная попытка донесения смысла до читателя неограниченными ничем средствами выражения (свобода – лозунг авангарда).

В стихах С.Бирюкова видим сам процесс творения символа, конструирования смысла, отбора и предпочтения звуков; зачастую представлены не готовые формы, а полуформы, даже начальные формы, запускающие и одновременно освобождающие ассоциативный поток читателя еще задолго до окончания произведения.

Очень чутко следует за физической волной звука, становясь то плавным и лиричным, то широким и могучим, то прерывистым и ритмичным как биение сердца (о чем тоже говорили на семинаре), то стремительным, рубящим реальность на куски с помощью ассонансирующих и аллитерирующих звуков.

Этим во многом и объясняется гипнотическое воздействие речи, чтения поэта, это своеобразные «шаманские мистерии» со словом, звуком. Звуки речи сливаются, встраиваются в звуки музыкальных инструментов, звуки пения. Недаром неискушенные читатели и серьезные критики творчества указывают на шаманствующий голос Сергея Бирюкова. Такое свойство базируется на строгом авторском распределении звуков, ритма, интонации. От состояния транса спасает только поиск смысла, желание вместе с поэтом пройти путь от начала до конца, от сотворения, замысла к рождению смысла и гармонии. Безусловно, С.Бирюков владеет эффективным распределением полевых, волновых, энергетических излучений своего тела. Очередность ритмов (в том числе и музыкальных), слов, движений (артикуляция, мимика, жесты) создает тот эффект воздействия на слушателя, который почувствовали, наверное, все слушатели семинара.

Культурологическая составляющая стихов С.Бирюкова, занимая значительное место в его творчестве, служит не просто отсылкой к эпохам, именам, датам, не просто реминисценция, а средство передачи символического содержания, средство конструирования смысла; поэты, философы, историки, исторические личности предстают в устах Сергея домашними, своими, живыми, поэт приближает их к нам посредством описания какой-либо бытовой детали, раскусывания, смакования и звукового фоносемантического обыгрывания имени и фамилии.

И в конце семинара я отчетливо осознала, что современная авангардная поэзия (в лице яркого и одаренного человека Сергея Бирюкова) – не прихоть свободного человека, не способ выделиться из массы «сетийных» авторов, а поиск многих (не других, иных, своих, а единственно возможных) средств «ухватить» новые смыслы, соотнести их с вечным и непреходящим.

Татьяна Голикова, доктор филологических наук,
Российский новый университет

№ 9
2 сентября 2025 г.

ВРЕМЯ

Информационно-
просветительская
газета

ДИЗАЙНЕР ЗВУКА

ОПУБЛИКОВАНО НА САЙТЕ «КУЛЬТУРНАЯ ИНИЦИАТИВА». СЕРГЕЙ БИРЮКОВ. ЗВУЧАРНОСТЬ: КНИГА СТИХОТВОРЕНИЙ. – М.: ОГИ, 2013

«Звучарность» – имя новой книги Сергея Бирюкова – напоминает о далеких временах отечественного поэтического авангарда. «Мирсонца», «Взорваль», «Зудесник» – так некогда поэты, бросившие вызов инерции мейнстрима, называли свои сборники, обостряя звучание необычного слова и эпатируя читающую публику. (Хлюстра! – говорил Крученых о сорвавшейся с крюка люстре).

Зал ресторана «Дача на Покровке» будто бы специально был декорирован под это выступление – старые обои, темные портреты, медные самовары. На стене пестрела чудесная акварельная щука, работы Зинаиды Серебряковой, молчаливо взирающая темно-синим глазом на публику. Выглядело все это так, словно какой-нибудь солидный присяжный поверенный пригласил на свою вполне респектабельную дачу входящего в моду диковинного футуриста, чудного ничевока, неведомого будетлянина, а теперь еще и загадочного звучаря. Что, мол, за рэволюционное веяние этакое в нынешней литературе?..

Предварявший выступление поэта ответственный редактор издательства ОГИ, которое и выпустило книгу, Максим Амелин был краток: поэт принес нам рукопись, мы ее издали, а остальное вы сейчас увидите и услышите.

И это действительно надо было видеть и слышать. Сергей Бирюков не просто читал или играл свои стихи – он жил стихами, жил этой книгой, вел нас, его слушателей, по ее пересекающимся сферам, взмывал в небеса, заглядывал в хтонические глубины, вспоминал, пел, ворожил и чудодействовал. Жаль, что напечатанные стихи не передают декламации, аффектации, ажитации, актуализации, то есть всей многообразной – вплоть до жестов и насыщенного молчания – инструментовки его исполнения. «Я не знаю ни одного языка...» – усмехается поэт, но иные стихи звучали по-немецки, иные по-французски и даже – или мне показалось? – по-японски и на суахили. Перевода не требовалось, язык поэзии был и без того явственно ощутим и понятен.

Звучащее, вибрирующее слово, живая фонема, огласовка – в центре мирозданья Сергея Бирюкова. Недаром в названии книги кроется слово «чара», мерцает признание в очарованности звуком. Ведь:

стихотворенье написать нельзя
нельзя сложить из строчек сожаленье
но можно голосом по воздуху скользя
предстать пред небом
как его творенье

Скольжение голосом по воздуху, расщепление слова, дробление его на множественность звуков и интонаций, выявление в нем движущей энергии противоречий – вот задача поэта. Стихи словно собраны из пучков светящихся роящихся смыслов, образующих единственное и неповторимое целое. Они рельефны, калейдоскопичны, излучают свет и тени, дробятся и собираются на наших глазах.

Вот стихотворение, которое называется «Когнитивное»:

тающий берег

все думаю
о
горизонте
о
синеве
о
ливне
о
иве
о
ве

Эти зияющие «о» словно подзорные трубы, через которые автор вглядывается в предметность вещного мира и видит, что мир этот еще и вещий. И это загадочное ве может означать что угодно: веру, вечность, ветер, велимира, великолепие сущего и его ветхость. Да, собственно, именно это фосфоресцирующий, светящийся пучок ассоциаций и обозначает.

Щедрым жестом автор протягивает нам ключи к своей поэтике: «стихи теней/ тенестихи/ те не стихи/ которые теней /не образуют/ вокруг себя/ вокруг других теней...»

Возвращаясь к названию книги, надо отметить, что это вполне осознанная и даже провокативная экшн-акция дизайнера звукового жеста и основателя легендарной Академии Зауми. Авангард не кончается, он актуален, насущен и необходим. У него мощные корни и могучие живые ветви. Недаром в стихах Сергея Бирюкова так часто звучат имена предшественников и современников: Зданевич, Хлебников, Василиск Гнедов, Елена Гуро, Крученых, Бурлюк, Айги, Пригов...

Опираясь на традицию, если это возможно в авангарде, поэт идет вперед, за «горизонт темы». Он работает над инструментарием поэзии будущего: инструменты поэзии быстро забросить в походную сумку... И, разумеется, стихи «Звучарности» всем строем, всем дыханием, всей энергетикой остро-современны.

В зале не было присяжных поверенных, дантистов, провизоров и адвокатов. А если и были, то очень быстро превратились, пресуществились в благодарную, продвинутую публику, которая постепенно вовлеклась в действо, творящееся на ее глазах – робкие одиночные хлопки к концу вечера сменились уверенными, понимающими и созвучными аплодисментами. И это было словно бы еще одно ритмическое произведение поэта-звучаря:

стихотворение – аплодисменты,
голос – эхо,
перезвон звуков
зву – от-зву

Все шло как надо. И даже пестрая бессловесная щука (своего рода антипод и противовес исполнителю) теперь уже вполне благосклонно поглядывала на зал.

«Звучарность» заканчивается анаграмматическим стихотворением, взывающим к нашей интуиции, фантазии, чувству юмора.

АВТОР
ОТВАР
ТАВРО
ТОВАР
РВОТА

Что ж, впечатляющая парадигма.

«Звучарность» – итог и этап в работе поэта Сергея Бирюкова.

Тавро автора, метр мэтра, тропа тропа.

Геннадий Калашников
поэт, переводчик, редактор

ГЛАГОЛ НАЧАЛЬНЫЙ

Опубликовано в журнале Дружба Народов, номер 12, 2010

СЕРГЕЙ БИРЮКОВ. “ПОЕZIZ ПОЭЗИС POESIS”: КНИГА СТИХОТВОРЕНИЙ. — М.: ЦЕНТР СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ, 2009

ЗАЧЕМ ЗА МЕЧ
МЕЗИЧ

ЧАЗЕМ
ЗАЧЕМ

Порой кажется, что Сергею Бирюкову на все про все хватит и одного-единственного слова, чтобы создать – что там стихотворение – целую поэму, а то и книгу, настолько искусно он жонглирует каждой морфемой, каждым звуком, поворачивает, разглядывает, дробит его и собирает снова и снова.

Вот Кострома, увиденная и показанная нам поэтом:

Ю
МА
КСТРМ
КОСТРОМАМА
О-О-А
стрым
кость
рома
КЫ
СТ
РМ

И далее – не менее парадоксально, шокирующее, эпатажно... Но наши глаза и уши «отверзлись», и над волжской стремниной – О-О-А – за церковными костромскими куполами мы видим и барочные фасады Рима, и Ивана Сусанина, словно кость в горле застрявшего на пути интервентов, слышим скрежещущий гортанный говор древлян, вятичей ли, кривичей... А стихотворение длится дальше, «горит горит», обрастая смыслами, ассоциациями, картинами, на которые, возможно, самозабвенно камлающий автор и не рассчитывал, я же, взяв на себя риск слегка пофантазировать над этими строками, отчетливо вижу, насколько эти стихи тоньше, глубже, проникновеннее, чем любая попытка их толкования. Они текучи, неуловимы, светятся своим собственным своевольным светом.

Новая книга Сергея Бирюкова “Poeziz ПОЭЗИС POESIS” издана «Русским Гулливером». Издана, по всему видно, тщательно и любовно, что не может не радовать и самого автора, и его читателей. Как справедливо указано в аннотации, поэт в ней явлен «разными гранями своего дарования». По мере чтения убеждаешься в справедливости этих слов: действительно, очень многогранен наш герой, и каждая грань по праву заслуживает обстоятельного и проникновенного рассмотрения. Книга как-то стереоскопично, объемно показывает нынешнего Бирюкова с его итогами и перспективами.

Позволю себе небольшое отступление... В начале 80-х я был командирован столичным литературным еженедельником в Тамбов. Центр города тогда активно перестраивался и ремонтировался, утрачивая привычный старинный облик, но в то же время обретая и необходимые здания, например, той же городской библиотеки.

Что же касается тогдашней литературной жизни Тамбова, она показалась мне какой-то глубоко провинциальной, прямо-таки реликтовой. Нет, писатели, с которыми я тогда встречался – а в Тамбове была своя писательская организация, – были люди вполне заслуженные, приятные, в чем-то интересные, но на мой тогдашний взгляд абсолютно архаичные в литературном отношении. Ждать каких-то прорывов не приходилось. В наших разговорах моими собеседниками часто и не без некоего удовольствия цитировалась строчка Лермонтова из «Тамбовской казначейши»: «Тамбов на карте генеральной кружком означен не всегда...», как бы удостоверяя и узаконивая вековую и заслуженную провинциальность города. Но я-то точно знал, что в Тамбове живет молодой тогда еще, но уже известный в наших столичных поэтических, как сказали бы сейчас – «тусовках», поэт Сергей Бирюков, совсем не похожий на ревнителя патриархальных устоев. Собственно, тот мой давний приезд в Тамбов и прошел под знаком его стихов.

Творческая судьба Сергея Бирюкова – убедительное доказательство того, что провинциализм – понятие совершенно не географическое. В дремотном, патриархальном да плюс еще советском Тамбове Сергей дерзко основал Академию Зауми, говоря несколько пафосно, подхватил поэтическое знамя русского авангарда, блестящим исследователем которого он является, придал новое дыхание изучению слова, живущего в поэтическом контексте.

Академия почтенно действует и поныне, а у ее отца-основателя есть талантливые ученики, вполне успешно работающие в литературе. Поэт и исследователь, похоже, не мешают друг другу. Допускаю, что, может быть, и не помогают. Во всяком случае, стихи Бирюкова лишены «академической» солидности, которую мог бы себе позволить автор десятков значимых работ о поэзии русского авангарда. Стихи вдохновенны, озорны, легки, естественны, импровизационны. Особенно хорошо это слышится, чувствуется в неповторимом авторском исполнении. Конечно, Сергея надо слышать, ведь многие его стихи и написаны для голоса, для неожиданных голосовых модуляций, тончайших звуковых вибраций. Недаром он признанный мэтр и идеолог такого интересного направления, как звуковая поэзия.

найти первое слово
потянуть за лапку
а а а а а а а а а а а
вот и готово
стихо-творе-ни-а

– Фокус! – пожмут плечами иные любители традиций. Собственно, они так делали всегда, не слишком охотно пуская стихи Бирюкова на страницы «официальной» печати, практически не впуская его в «издательский план». (О, эти сумрачные, тусклые, кафкианские коридоры советского «литературного процесса»!) Но Сергей – закаленный боец: «О, провинция, ты строга... Гы-гы-гы... га-га-га...», до сих пор помню – делал то, что и должен был делать: писал. Стихи, статьи, научные работы...

Впрочем, может, отчасти и фокус. А почему эта поэзия должна чураться волшебных фокусов, играть на трех заунывных струнах и дудеть в одну дуду? Может, она сама – сплошной фокус: фокусирует наш взгляд, слух, душу... Сильнейшее игровое начало отчетливо заметно в стихах поэта, но он не ограничивается только им. В его творчестве мы имеем плодотворное и органичное продолжение уроков русского авангарда, стремление в своем поэтическом слове дойти до сути, до логической исчерпанности, до последнего словесного атома. За всем этим чудятся механизмы какой-то таинственной лаборатории-кунсткамеры («кунст» ведь переводится как «искусство»), своды крюйс-камеры (слово в стихах Бирюкова взрывается ярко и неожиданно), оптика камеры-обскуры, чудесным образом преломляющей и хищно обостряющей наше зрение. Это та самая работа идущего впереди «сеятеля очей», грезившегося Велимиру Хлебникову, напряженный творческий диалог с которым Бирюков ведет без всяких преувеличений всю жизнь.

Как проницательно писала в своей давней и ничуть не устаревшей статье о творчестве Бирюкова Татьяна Бек: «Бирюкова можно – его же собственными словами про другого художника – назвать «стирающим грань / молчания — речи / жизни- смерти / человека — травы...» Она же точно отметила, что в его «мир входишь с доверием и благодарностью...» Ведь, добавим, в этом мире все взаправду, все по-настоящему – эпатаж и скоморошество, благоговейное препарирование слова и сокровенные лирические признания, смех и боль... Здесь течет, пульсирует живая, горячая, сумасбродная кровь, а этого не подделаешь, ничем не подменишь.

Стихи Бирюкова будят множество ассоциаций, неожиданных отзвуков, голосов и отголосков, в них гулко разносится эхо культуры, как отечественной (в том числе и, особенно, народной, фольклорной), так и мировой. Имена поэтов, философов, знаковых фигур различных времен, просто знакомых и товарищей вольно гуляют в его стихах.

Неподражаемое творение поэта «Человек в разрезе»:

человек в разрезе
немного груб
не совсем понятно
как его сшить
и какими путями
пройдет нить
человек в разрезе
в значении Быть...

исподволь отсылает нас к раздумьям Павла Флоренского, а тут же рядом отыщется нечто «...на Джона Кейджа», вполне могущее оказаться озорной литературной мистификацией. Тамбовский алхимик, шаман с берегов Цны давно колдует на европейских просторах, его стихи переведены во множестве стран, в том числе Китае и Японии, а список книг, исследований, заслуг и наград занял бы значительное место в этой скромной рецензии.

едва успеешь выйти из дома
и запнешься на перекрестке
эта окрестность тебе знакома
пыльца небесная белей известки

И, запнувшись, стихотворение продолжается, бредет в кущи воспоминаний, чащи подробностей, рощи оттенков, чтобы в конце пути увидеть начало новой дороги, заметить, как в «колючий сумрак вплывет омега внезапно вспыхнет глагол начальный».

Книга Сергея Бирюкова актуально, насущно, с убедительной необходимостью и настоятельностью вписалась в нашу нынешнюю поэтическую ситуацию. Не берусь судить – плачевную ли, оптимистичную ли ситуацию (книга как раз свидетельствует, что все не так уж плохо и безнадежно), но радует, что есть у нас такой замечательный, непредсказуемый, неуправляемый, или управляемый горними силами, поэт. Без него было бы гораздо скучнее.

маслянистый зрачок
а ты дурачок
у тебя ничего нет
да

Ничего нет – и есть все.

Геннадий Калашников
поэт, переводчик, редактор

ВРЕМЯ
Информационно-просветительская газета
№ 9
2 сентября 2025 г.

АВАНГАРД – «АКАДЕМИЧЕСКИЙ» И ВНЕИСТОРИЧЕСКИЙ

СЕРГЕЙ БИРЮКОВ. АМПЛИТУДА АВАНГАРДА. – М.: СОВПАДЕНИЕ, 2014. ОПУБЛИКОВАНО В ЛИТЕРАТУРНО-ФИЛОСОФСКОМ ЖУРНАЛЕ ТОПОС, 10.08.2015

2015-й год – юбилейный год для Академии Зауми. И юбилей уже не шуточный: четверть века. Эта организация – академия, по сути, в платоновском духе – возглавляемая поэтом, исследователем авангарда, доктором культурологи Сергеем Бирюковым и объединяющая десятки ведущих авторов со всего мира, теоретиков и практиков современного авангарда, зародилась в 1990 году в Тамбове на основе литературной студии, ведомой тем же Бирюковым с начала 80-х. В 1991 году в стенах университета им. Державина студия, прибавив академизма («акадэмизма»!), именовалась уже «АЗ», при этом «большая Академия», частично с ней перекрываясь, в это время достаточно бурно налаживала контакты с известными и неизвестными (забытыми, начинающими) российскими и зарубежными авангардистами, способствовала формированию некоего уникального тамбовского литературно-поэтического пространства... Я, например, простите за пример, вспоминаю первую свою публикацию стихов в университетской газете «Пигмалион» в том же 95-м, а рядом – тоже, по-моему, едва ли не первая вообще публикация Виктора Іваніва – непонятный эксцентричный псевдоним с подписью «Новосибирск»... С тех пор немало воды – и чернил! – утекло, достижений тоже немало (большинство из них описаны – можно прочесть), есть и потери (в этом году ушёл от нас Витя Іванів), но история продолжается – история Академии и история Авангарда – наступающее будущее авангарда исторического или убегающее в бесконечность настоящее авангарда – как назвал его Бирюков – внеисторического...

На фоне академического юбилея мне бы хотелось поговорить о книге Сергея Бирюкова «Амплитуда авангарда», являющейся своего рода продолжением известных его литературоведческих книг «Зевгма...» (М.: Наука, 1994), «Року укор. Поэтические начала» (М.: РГГУ, 2003), «Поэзия русского авангарда» (М., 2001) и др. В этой книжке карманного удобного формата собраны исследовательские статьи автора, публиковавшиеся, конечно, ранее, но именно здесь обретшие некую завершённость и монолитность академической и теоретической работы. Хотя, отметим это сразу, привычные академичность и теоретичность, с их тяжеловесностью, мутью и занудством, к текстам Бирюкова категории неприложимые. На мой взгляд, перед нами как раз тот редкий случай, когда фраза из концовки аннотации «для всех, интересующихся данной проблемой», вовсе не будет преувеличением. Бирюков-поэт, который, что и говорить, «не всем понятен», парадоксальным образом помогает Бирюкову-исследователю: главный академик пишет просто, образно, ярко, всё поясняя, и в то же время мастерски используя паузу, монтаж и недосказанность, и посему – что особенно показательно – лаконично.

Открывает книгу статья о главном поэте русского авангарда – Велимире Хлебникове. В статье «Код Велимира» Хлебников, с его поэтическими и иными открытиями, предстаёт как «ключевое явление в русской культуре». Всматриваясь и вчитываясь в творчество великого будетлянина, продолжатель его традиций в начале статьи пишет: «Хлебников – центральная фигура века. Он решительно переменил вектор поэзии, направив его в сторону языка. Он стал писать как бы не на языке, а самим языком». Декодирование, насколько оно возможно и уместно, удаётся, но иногда литературоведческие штудии будто уступают место идущей от хлебниковской метафизике: «Так «на холсте» музыкальных и словесных соответствий возникает Лицо. И это лицо Гармонии, Природы, Бога, Гения, Автора, Читателя...» Кто-то уже отмечал, что именно к зауми, к заумной поэзии (добавим: как мы её литературно понимаем с XX века, и – на будущее) приложимо пушкинское «И вырвал грешный мой язык...», а Велимир Хлебников, конечно, пророк этой новой эры – Эры Зауми...

Своего рода антипод Хлебникова – Кручёных. Антипод-продолжатель – что, по Бирюкову, вполне в его стиле. Естественно, хлебниковская и кручёныховская заумь для автора книги разнятся. Но несмотря на лёгкое (в противовес романтически-тяжёлому – у символистов) отношению к искусству, «Кручёных становится поэтом. Как Дюшан со своим писсуаром становится художником». Остроумное сравнение вызывает улыбку, но, скорее всего, здесь исследователь не только иронизирует. «Кручёных, – образно пишет Бирюков, – не описывал жизнь, а чиркал спичкой искусства о коробок жизни, высекая мгновенное пламя – быстрое, обжигающее». И далее (да простят нас автор и читатели за некую реферативность) даются расшифровки: «Мы находим в его разнообразном творчестве не только эпатаж, не только решение формальных задач, но и прорыв к артистизму в передаче тонких оттенков человеческой психики», «помимо прочего, эти «тексты» заставили по-новому взглянуть на проблему поэтического, насколько широки или узки могут быть границы поэзии», «совершенно неожиданно антипоэтические выбросы Кручёных стали восприниматься как обострённо поэтические...» Иронизировать же вполне возможно на тему восприятия потомков: «Страшно представить: о дыр бул щыле уже пишут в «Учительской газете» и вполне положительно»; или: «Литература, надо отметить, в основном сугубо научная, со всей суровой терминологией, от которой, думаю, Алексей Елисей Словосей «дичайший», Бука русской литературы и прочая и прочая, переворачивается в гробу».

Впрочем, тут как раз намечается подход к одной из основных, лейтмотивных, мыслей автора: наше восприятие авангарда искажено исторической дистанцией, «культурой», «теорией» и «акадэмизмом». Как известно, теории у самих ставших столетней историей авангардистов были, но, по выражению Бирюкова, конспективные, да и сами они, конечно, «вообще не мыслили в тех категориях, которые мы сегодня к ним прикладываем».

«Впрочем, образ Кручёных только начинает вырисовываться» – правда, это уже из другого очерка, посвящённого Елене Гуро, любимой поэтессе автора...

(Заметим в скобках, что, на наш взгляд (да и вообще обычная диалектика), исторический процесс восприятия имеет двустороннюю направленность: что-то «только вырисовывается» в умах и трудах культурологов и литературоведов, при этом другое, наоборот, размывается и разъедается с непомерной быстротой. Так, ближайший пример, даже слова самого Сергея Бирюкова об осознании Хлебниковым равноправия «различных вер, языков и культур», написанные лет пятнадцать назад, в нынешнем «культурологическом хаосе современности», в разгуле – а иначе не скажешь! – политкорретнесс-мультикультурализма, с пристёгнутыми к нему с флангов прущими ЛГБТРами и легалайзами, выглядят уже немного иначе... Будто Председатель Земного Шара грезил именно о таком будущем!)

В книге две равных по объёму части: «ПОЛЕ АВАНГАРДА» и «ПО(С)ЛЕ АВАНГАРДА», то есть, по сути, единое поле. «Авангард, – отмечает Бирюков, – имеет тоже право на традицию, как любое другое стилевое течение, но понятно, что традиции у него иные».

В первой части помещены короткие очерки о близких футуризму поэтах Неоле Рубине, Бенедикте Лившице и Иване Игнатьеве, а также о единственном, кажется, в этом насквозь поэтическом контексте «чистом» прозаике – Сигизмунде Кржижановском. Думаю, не может не привлечь особого читательского внимания статья с интригующим заголовком «Тело языка и язык тела в русской авангардной поэзии», а в ней главка, именно так и названная: «Эротический аспект», в которой, помимо прочего, рассматриваются стихотексты женские – поэтесс футуристической направленности Ады Владимировой, Татьяны Вечорки и Нины Хабиас. Так, на примере текстов последней (гражданской жены имажиниста Ивана Грузинова) исследователь заключает: «Надо сказать, что школа футуризма и имажинизма дала возможность Хабиас выйти на столь рискованную тему как бы прикрытой стилем... Таким образом «грамматика эротики» нашла адекватное выражение в грамматике новой поэзии».

Несмотря на иноземные фамилии, поле экспериментов именно русское, с водоразделом... По Бирюкову, «авангард второй половины XX века является истинным авангардом. Авангардом, осознавшим себя таковым». Во второй части мы не найдём статей о блестящих продолжателях Хлебникова и футуризма, пограничных, нынче на всех углах разрекламированных обэриутах (наверное, к сожалению)... Наиболее интересен здесь, на мой взгляд, очерк о Георгии Спешневе – самобытном, уникальном авторе, работавшем в Советском Союзе «в стол», без малейшей оглядки на окружающую литдействительность. «Поразительно, – пишет Бирюков, – но задолго до появления компьютерных возможностей Спешнев создаёт настоящий гипертекст, о создании которого сейчас всё ещё спорят...» В систему открытий авангарда входило не только переосмысление жанров, но и создание новых, доселе небывалых – как будто и впрямь из будущего! Единое поле, но всё же привычная нам хронология: Леонид Аронзон, Владимир Казаков – значимые фигуры – для нас, будетлян, значимые... Причём все названные трое – не только поэты, но и прозаики, хотя и с этими регистрами в авангардной парадигме всё условно...

Своего рода мостик в «нашу» современность – Геннадий Айги, уже легендарный, с которым не раз беседовал автор... Снова метафизика, лингвистическое визионерство – авангард, как и классика, осмысливает самые фундаментальные вещи. Фундаментальность открывается в деталях, непривычных и не-приглядных, находящихся за гранью восприятия, за умом... Так, Константин Кедров, поэт и философ, извлекает судьбоносные смыслы уже из самой своей фамилии: код вер, рок дев, век орд, вод рек! Или: «На самом деле автор как раз очень изощрён, настолько, что он исчезает, его не видно, это не пресловутая постструктуралистская «смерть автора». Автор, которого на самом деле никогда не было, спокойно может умирать. Совсем другое дело живой, дышащий автор», – о метафизическом измерении «словомузыки» Елизаветы Мнацакановой...

«Поэзия для глаза», «поэзия для голоса и слуха» – бирюковские дефиниции из другой книги, «Року укор». И тут опять вспоминается императивное «...и виждь, и внемли» – вот откуда поэзия визуальная и саундпоэзия! С учётом этих векторов анализируются современные (внеисторические!) авангардисты: Анна Альчук, Глеб Цвель, Елена Кацюба, Валерий Шерстяной, Наталия Азарова...

Своего рода гвоздём программы смотрится «Литературно-критическая лекция» (о творчестве Ры Никоновой и Сергея Сигея) – несмотря на академичность жанрового подзаголовка, на поверку – текст самой что ни на есть свободной формы, с ироничностью уже открытой. Например, о трудностях восприятия новой, кажущейся эпатажной эстетики: «Эти сов ременники или ременники сов, они ещё там, они читают ещё то, в то время как происходят какие-то сдвиги, которые улавливает поэт за умом». Или – «о поэте и поэзии»: «Думаю, что эти «гра» и «ницы» проходят внутри нас. Почему получается, что у одних получается, а У других не получается, звучит натянуто, поэзия как-то исчезает... Вот беда... Да!

У одних и лопух поёт, а у других страдивари глохнет».

И наконец, ответ на сакраментальный вопрос, где смысл и есть ли он вообще. Заумный поэт и исследователь зауми отвечает так: «Отвечу: есть! Смысл в смысле. И это не игра слов. Весь этот текст и есть смысл. Это то, что хотел сказать и сказал автор!

Вам не нравится? Но это уже другой смысл. Ваш! Таким образом, мы находим уже два смысла.

Третий смысл тоже возможен...» (– и 5-й, и 6-й, и т.д.)

«Подбирается он к нему (Сигей. – А.Ш.) с разных сторон, к смыслу, то есть. Это любопытно само по себе. Потому что меня, например, смысл не интересует. Он есть, но я о нём знаю на интуитивном уровне». Получается, исследование через созерцание.

Завершают книгу статья о рецепции творчества Велимира Хлебникова в русской поэзии, интервью «Авангард после авангарда» (альманах «Транслит», № 9, 2011), а также традиционно схематичное curriculum vitae автора, но состоящее, пожалуй, из наиболее полной его библиографии.

Такова представленная в сборнике амплитуда авангарда – от академического до анархического, от классического до «пока ещё не», от исторического до внеисторического, от Москвы до Торбеевки и Сосновки, от Канады до Японии...

Статья написана в 2015 году, по поводу выхода книги Сергея Бирюкова «Амплитуда авангарда» и тогда же была опубликована в газете «Литературная Россия» , но не потеряла актуальности...

Алексей А. Шепелёв
поэт, писатель, литературовед

ВРЕМЯ
Информационно-
просветительская
газета

СТИХИ НЕДАВНИХ ЛЕТ

РУССКИЕ ПОЭТЕССЫ

и восходят русские поэтессы

и произносят неизреченное
и за ними над ними
полотно неба
растянуто в вечности
строк строение
сплетение строк

Анна Марина Елена
Ксения Мария Ольга
Белла Новелла Юнна
Тамара Наталья Римма
Юлия Софья Майя
Нина Маргарита Ирина
Светлана Олеся Татьяна
Вера Надежда Любовь

ГЛАГОЛЬНОЕ

Бесконечно можно писать
на русском стихи
на границе стихий
рифмовать
бесконечно страдать
уповать
жечь глаголом сердца
до конца
бесконечно кружить
в клетке белкой
в этой теме не мелкой
предназначенный жить
бесконечно пространство встречать
в неожиданный час
отмеряя от нас

ЗАБОЛОЦКИЙ
(фотоописание)

Заболоцкий в березовой роще
в белой блузе
и в шляпе
и с тростью

Заболоцкий в пижаме
кажет кукиш
его обижали

он в березовой роще
в белой блузе
и в шляпе
и с тростью
и сжимает
он горести
горстью
в кукиш
складываются пальцы

переводят его
итальянцы

Заболоцкий в пижаме
вы напрасно
его обижали

был он витязь
в тигровой шкуре
раненый в сердце

Заболоцкий
стоит перед дверцей
тук-тук-тук
кто там-т
Дант

И ВСЕ-ТАКИ
НЕМЕЦКАЯ ФИЛОСОФИЯ

I
... и все-таки немецкая философия
ни больше ни меньше
но
никто не верит Канту
никто не верит Гегелю
разве кто-то говорит
как там у Канта
как там у Гегеля
что сказал Шлегель
по этому поводу
последнее слово Шопенгауэра
экзерсисы Ницше
неизбежно —
Шпенглер

II
... мне снился Шпенглер —
выглядел не очень,
заметно было — озабочен
он предсказанием своим
заката
той части света,
что когда-то
была Европой...
И вдруг оборатилась, опа (!)
совсем другою стороной.

Ой!
Herr Doktor Spengler,
не молчите!
Лишь вы наверно различите,
истоки
что ожидает нас в потоке
идущей из глубин
культуры девять
и скажете, что делать...
Oder?

Примечание:
Освальд Шпенглер (1880–1936) – немецкий философ, автор знаменитой книги «Закат Европы» (Т. 1 –1918, Т.2. –1922)
Oder – или (нем.)

МАСК ИНОПЛАНЕТЯНИН
Космологическая поэма
о переключении приключений,
Циолковском и планете Х

Так пристально в чердачный телескоп
на звездный мир смотрел
калужский инопланетянин
что он внимание привлек
своих далеких двойников
с других планет
и в раструб слуховой трубы
вливались волны голосов
иных планет
и вот уже он видит
что другие
не видят
и абрис кораблей
он чертит на песке прибрежном
Оки
реки великой

и вот так раз
на оклик Циолковского
приходит вдруг инопланетный Маск
ему
понадобилось время
на
построение плота
чтобы по Млечному пути
спуститься
в районе океана
и дальше взмыть
и время подключить
землянское
лицо расправить
сжатое в полете
переключеньем
приключений
чтобы мог смеяться
на тему денег
и металла
и махинаций
корпораций

приходит Маск
отнюдь не совершенный
вначале
он не понимает
где правое
где лево
но постепенно
прозревает
и маски
с некотрых
срывает

но то ли инпланетный разум
еще не въехал точно
в существо земных
позорных
так сказать свершений
то ли
ему мешает что ли
глобальная пустотность
местных тел...

он вызывает
инопланетный дух
великих космоплавов
и просит их
помочь
они летят
и говорят
точь в точь

но Маск
пока не понимает
но перевернуть желает
страницу
книги быта
где истина избита
и окровавлена лежит
распластана
и расчетверена
в газетах
на ТВ
в сети
глобальных пауков
рептильих пресмыканий

он ищет ту планету
откуда прилетел
обозначает ее
как неизвестное
примерно знаком
Х
что означает либо
мужскую хромосому
либо просто букву
которой классик Холин
дал знак
инопланетным
космоплавам
в надежде
что готовы
они понять
суровый наш як-ык

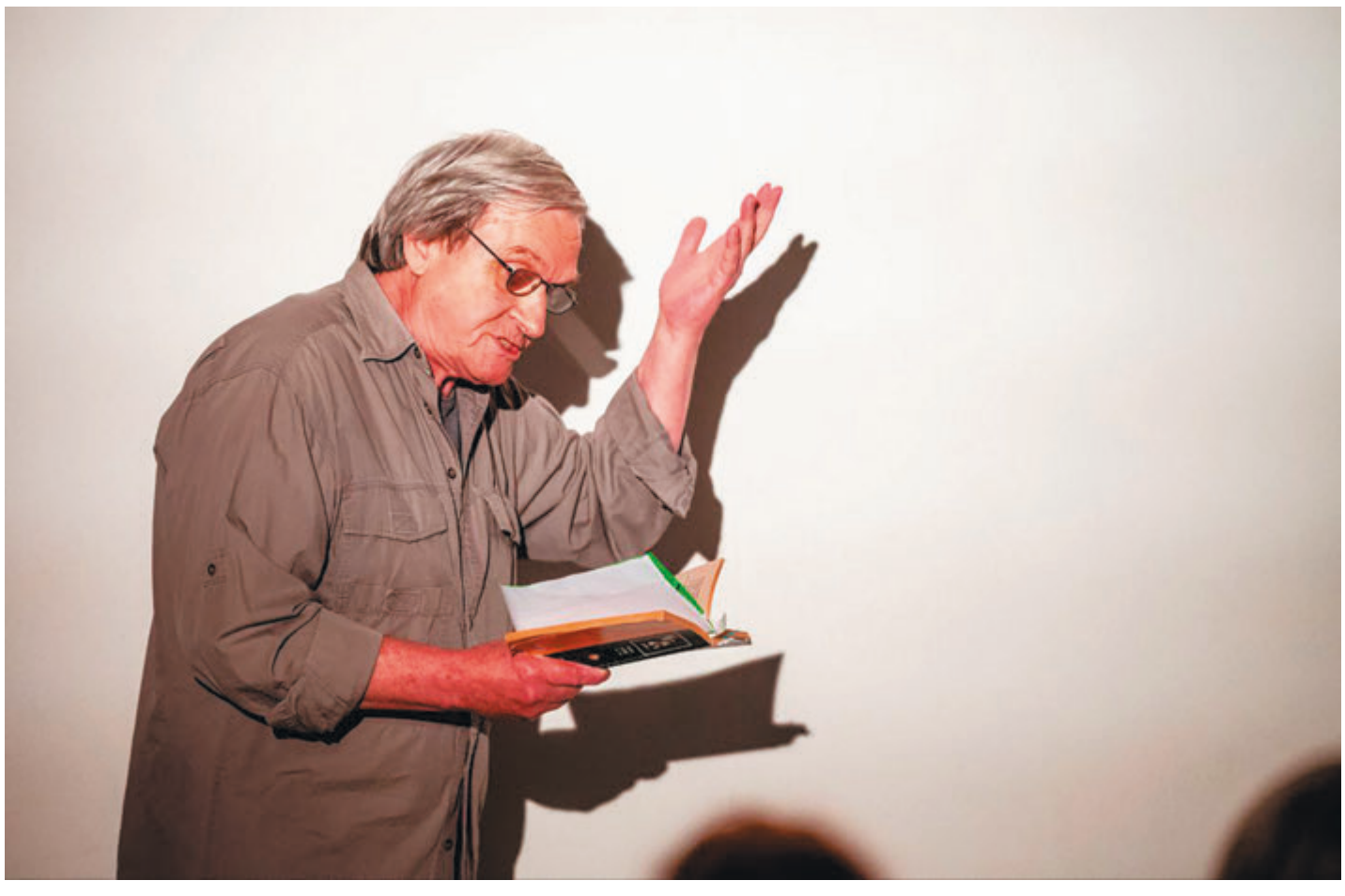
итак
и что же Маск?
Где он сейчас?
Летит на Марс
на пересадку
до планеты Х?

гипотеза вопрос
предположенье

к восстановленью

межпланетного
движенья...

поэма жаждет
продолженья...

СТИХИ ЧЛЕНОВ АКАДЕМИИ ЗАУМИ

АЛЕКСАНДР ФЕДУЛОВ

Поэт, прозаик, визуальный поэт, член Академии Зауми, член Российского союза профессиональных литераторов, лауреат Международной Отметины им. Д.Д.Бурлюка. Автор более десяти книг. Живет в г. Красногорске Московской обл.

***
Строят мост, вбивают сваи.
Но поэту нужен плот
и язык, что в душу впаян…
И сердечных сверхчастот!

И река бурлила чтобы,
излыгая волю высей,
чтобы искру снова высек
Прометей, впадая в штопор
от сумбура темных мыслей.

И смеется прежний, тот,
что живет бок о бок с нами,
строит мост, вбивает сваи…
Но поэту нужен плот!

***
Кусок ржаного, кольца лука,
стакан внакат, ухмылка внука…
Октябрь! Как много звуков
из сердца русского исторг:
и храмовый историй торг,
как разговевшийся рипост;
и покаянный долгий пост;
и очищающий восторг;
и снег на листьях по утрам;
и след на лицах зимней стужи…
Мы вновь доступны всем ветрам?
И кружит нас октябрь, и кружит…

ОТ ВТОРОГО ЛИЦА

тут налимы
прыгают прямо в руки
а раки
повисли на ветке…
С.Бирюков

Утки над рекой летают.
Листья жёлтые плывут.
Сплю – хотя уже светает.
Сплю – не спит восставший труд.

Встать – рассыплешь миражи;
уплывут своею Летой.
Ах! Как были хороши
раки с тех побрежных веток,

в зной полдневный опахалом
навевавших грёзы гроз
молодым беспечным фавнам –
корифеям стихопроз.

Утки так же всё летять.
Листья так же всё плывуть.
Мир, что малое дитя:
то он пряник, то он кнут.

Там посеют – тут пожнут.
Память-кронверк отомкнут.

Полдень, дождик вдоль реки.
Воды морщатся, старея.
Память, страхам вопреки,
приоткроет галерею:

там мечты твои на реях;
ты ж всё «пудришь… парики»…
Хоть по правде, старики, –
Они и мёртвые нас греют.

Вороши не вороши –
были были хороши!

СЕРГЕЙ НЕЩЕРЕТОВ

Поэт, переводчик, литературный критик.
С января 2016 г. – ведущий столичного литературного клуба «Некрасовские пятницы». Летом 2020 года стал соучредителем (вместе с художниками Виктором Гоппе и Александром Лаврухиным) Российского клуба книгостроителей «Три-арТ». Автор пяти книг.
Лауреат премии Константина Кедрова за 2024 год.
Живет в Москве.

ВЕК-БЕЛОШВЕЙ

С.Е.Бирюкову посвящено

Я сошью себе…
Футур-фольклор

Орите позвончее, бирючи!..
И.Б.

Коль прочь из недвига московского
гештальт копейкою закатит,
я бирюкофту Маяковского
из ляйпцигских скрою закатов.

И буду ей украшен заживо,
из рукавов бельмом белея,
и присягну донесть до кажного
предание об Юбилее.

Сквозь дрожехлады горемычные,
ломая паузы и пальцы,
придирчиво и велимирчиво
за хвост словить его начальце.

Так схваткать, что рубнуть бы почерну
и обуютить рай порайше, –
серьёзня мёд секунды порченой
ценой всего, чем радо раньше.

…Разбужен косной динозаумью
и заусенцами засеян,
мир всклокотал по кромку самую
и – хап всё бывное за сердце!..

И вслух и взренье, вплавь и посуху
смельё прошлось по нравам. Перхоть
поэзий мятых нас не потчует
крылять доспехами успеха.

На зеркале рыбача, в зеркале
мы рыбимся разъятой нитью
и, утопая гневно, резкими
костьми раскрадываем тину.

А до шитва стремглавно-спелого
износ не домахнулся чтобы,
приглушьем губ, чей жгучий слеп овал,
сим-симьдесят расплавим в шёпот.

ПОДОЛ ДОПОЛНЯЕМОСТИ

Пребольно к дубу
прибили будду.

Премногих будд
припомнит дуб.

Будда – star.
А дуб – стар.

ЕЛЕНА ЧАСОВСКИХ

Поэт, журналист, педагог.
Член Академии Зауми. Пишет стихи, сказки. Публикуется в сетевых и бумажных изданиях Москвы, Санкт-Петербурга, Тамбова, Воронежа, Липецка, Ижевска, Калининграда.
Автор двух книг стихов.
Живёт в городе Рассказово Тамбовской области.

ХОЛОД

Тихо. Холодно. Тихоходные,
Стадом тучи идут голодные.
Тучи съели луну и звёзды.
Очень холодно. Очень поздно.

Голо. Ломкие, гололобые,
Из-под крыши искрятся злобою
Ледяные ножи смертельно.
Завтра будет опять метельно.

Стынет немо вся тварь живучая,
Стонет, небо мольбами мучая.
Время вымерзло, поломалось.
Больше времени не осталось.

НА СТАРОМ ФОТО

На старом фото девочка, собака
И птичка, вылетавшая на «три».
Что впереди? Ни оклика, ни знака.
Иди сама, разведай, посмотри.

День начинай как чистую страницу.
Дыши хрустальным воздухом минут.
Ты только не теряй из виду птицу.
Иди за ней. Крылатые не лгут.

МОЙ ДОМ МНЕ МАЛ

Мой дом мне мал.
Я выросла из дома.
Ступеньки шпал –
Вот лестница Иакова.
Мне здесь все безразлично-одинаково.
А за окном – волнующе и ново!

Мой дом мне лжет.
Не верю больше дому.
Пусть подождет
Пока что заколоченным.
Я доверяю жизнь дождю и грому,
И ангелам, снующим по обочинам.

СТАРОСТЬ

Подкидываю веточки в костер,
Они сгорают, вспыхивая алым.
…Мир был жесток, и дьявол был хитер.
Но мы умели обходиться малым.

Имущество вмещалось в чемодан,
А мыслям и вселенной было мало.
Жизнь клокотала рядом, как вулкан,
И будущее все-таки настало.

Случилось все, чего любой так ждет
И что для нас планировал Создатель.
Судьба, ведя бухгалтерский учет,
Все подвела под общий знаменатель.

Затих вулкан, и лава не кипит –
Застыла вереницей изваяний,
И больше нет ни страхов, ни обид.
Но также нет ни планов, ни желаний.

Слежу за стрелкой острого листа,
Проросшего на черном циферблате.
Земля еще безвидна и пуста,
Но в ней сокрыты зерна благодати.

На этой карте больше нет пути,
Дорога не отмечена пунктиром.
Одно осталось: как-то прорасти
В тот мир, который правит этим миром.

МАКСИМ АМЕЛИН

Поэт, переводчик, эссеист, исследователь, издатель. Автор шести книг стихов и эссеистики, двух книг переводов с латыни, девяти книг стихов и эссеистики, вышедших в переводе на иностранные языки. Лауреат многих премий. Главный редактор «Объединенного гуманитарного издательства». Живёт в Москве.

ХЛЕБНИКОВ ЧЕРЕЗ 100 ЛЕТ

Свобода уходит нагая,
такая же, как и пришла,
хромая, изнемогая,
обобранная догола,
а мы… остаёмся обломки
сухих пустоцветов сбирать,
приветливых предков потомки,
земли безмолвная рать.

ПЕРЕЕЗЖАЯ ЧЕРЕЗ ПРОЛИВ

Сергею Бирюкову

флаги латы
птица жар
из галаты
в ускюдар

греча кура
в реке рак
пуля дура
сон дурак

ТИХОНОВ ЧЕРЕЗ 100 ЛЕТ

Делали гвозди из этих людей —
нет ни гвоздей, ни людей, ни идей.

* * *
Циклопов язык из одних согласных:
шипящих, сопящих, нёбных, губных,
гортанных, – меж древлезвонкопрекрасных
ему не затеряться. На них

восславить лепо сребро потока,
волос любимой нощную ткань,
пропеть про грустно и одиноко,
земли и неба звенея брань

и чаши с горьким питьём. А этим,
как око единым на голом лбу,
сродни изрыгать проклятья столетьям
и всей вселенной трубить судьбу.

Нет равных ему в наречиях дольних,
безгласному, – люди на нём молчат.
Заткнись и ты, мой болтливый дольник, –
язык циклопов суров и свят!

* * *
Долго ты пролежала в земле, праздная,
бесполезная, и наконец пробил
час, – очнулась от сна, подняла голову
тяжкую, распрямила хребет косный,

затрещали, хрустя, позвонки – молнии
разновидные, смертному гром страшный
грянул, гордые вдруг небеса дрогнули,
крупный град рассыпая камней облых,

превращающихся на лету в острые
вытянутые капли, сродни зернам,
жаждущим прорасти все равно, чем бы ни
прорастать: изумрудной травой или

карим лесом, еще ли какой порослью
частой. – Ты пролежала в земле долго,
праздная, бесполезная, но – вот оно,
честно коего ты дождалась, время, –

ибо лучше проспать, суетой брезгуя,
беспробудно, недвижно свой век краткий,
чем шагами во тьме заблуждать мелкими
по ребристой поверхности на ощупь,

изредка спотыкаться, смеясь весело,
проповедуя: «Все хорошо, славно!» –
потому-то тебя и зовут, имени
подлинного не зная, рекой – речью.

ТАТЬЯНА ГРАУЗ

Поэт, переводчик, эссеист, художник. Лауреат нескольких поэтических премий, в том числе международного творческого конкурса к 130-летию В.Хлебникова «Мирсонца-2015» и Международной отметины имени отца русского футуризма Д.Бурлюка (2017).
Стихи переведены на несколько иностранных языков.
Живет в Москве.

СОМНАМБУЛИЧЕСКИ

январь глотал сухие слёзы
густел морозный воздух и растил
тугую розу морозную грозы
зыбучую сыпучую ты чувствуешь
чад зыбкий розы

шипит шумит железный кран трещит
дорогой солнца тащит железную трубу
зелёный кран по воздуху железному дороги
огромная расплавленная рана
раздавленная рана солнца
отравленная рана солнца

не рано ли железный ранит свет

ты плачешь свет
а на просвет январь

сомнамбулически
прекрасно
шёл лёд
шёл Бог
шёл свет
шла тёмная опасная вода
прекрасно шла
цвела на солнце цвелью
вода да да до дыр цвела вода вела январь
сомнамбулически дымила ТЭЦ
клубы седого пара клубились бились клумбы пара
лбы бились лбы седого пара на всех парах бежали
на на пе пе перегонки гонимые ветрами мнимыми
ветрами зримыми
клубился пар
шёл свет
шёл лёд
шёл Бог
шла жизнь

и наперегонки дорогой солнца пил кто-то водку
кто-то слушал тяжёлый рок и целовал до боли
морозно-сладкие до боли губы

необъяснимая гудела радость

сияла жизнь
и свет сиял
гудел
нас нет
настанет свет
настанет иней

ПТИЧЬЯ ПЕЧАЛЬ

скри
  пичная птичка склёвывает у ног моих семечки
  такая приручальная
такая птичья пе
  чаль в её глазах

АЛЕКСЕЙ А. ШЕПЕЛЁВ

Прозаик, поэт, журналист, автор нескольких книг стихов и крупной прозы.

Кандидат филологических наук, исследователь Достоевского и Набокова, член Академии Зауми и Союза писателей Москвы.

Лауреат премии «Нонконформизм» (2013), международной Отметины им. Д.Бурлюка (2003), финалист премии «Дебют» (2002), премии Андрея Белого (2014), Международной премии им. И.Анненского (2019), «Чистая книга» им. Ф.Абрамова (2020), «Я в мире боец» им В.Белинского (2021), Международной премии им. К.Леонтьева (2022).

Произведения публиковались во многих российских и зарубежных журналах. Живёт в Анапе.

***
движение материи
под ногтём бактерии
тромбоциты в артерии
на глове перхоть
в голове переход
от доклассицизма
к постмодернизму
через призму идеализма.

С.Е.БИРЮКОВУ
(в честь 75-юбилея
и юбилея АЗ и студии)

Учитель – простое это слово
я никогда не называл.
Ведь не учители кругом –
советчики-мучители, по школьной
выправке – Большие Учтиля.

Но есть –
как мельком млик увиденный –
учитель в самом высшем,
за-буддийском смысле:
летающий, ходящий по земле наставник,
который сам коан...

STARWARG

Так чего же тебе надобно, STAR Че? –
на майках красных разводить гломур?
раз – и поехать встроить ся в Байкал – Амур?
посадить дереволюцию родить детей?
иль пулей да поллюцъей не родить не бить
а – никого и – ничего вообще?
скажи, родной и дорогой, чего тебе надо, да!
с какого года какого часа дня хочешь
ты войти в анналы –
кому – то больно будет пропустить тебя
но чем G-WAR'е всегда мало.

***
на моей спине мелый крест
чтоб когда я смотрел на начало
простой ночи
между деревянных построек
из-за пружинных коек
я знал мне очень
я очень
ОЧЕНЬ
+

ЕВГЕНИЙ В. ХАРИТОНОВЪ

Писатель, поэт, историк литературы и кино, переводчик болгарской поэзии и прозы, композитор. Руководитель Центра гуманитарных проектов и исследований Российской государственной библиотеки для молодёжи, председатель Совета по фантастической и приключенческой литературе Союза писателей России.

Автор многочисленных публикаций и книг. Член Академии Зауми, Союза писателей России, Русского ПЕН-клуба, член Правления Союза литераторов России.

* * *

Сергею Бирюкову

зорче речи –
зречи
и
зоречи
и
заречи
зау чи

ОТ А ДО Я

Амен родех абе млак,
Британ боуи лав зе queen,
Вольгаст либе ащел зрак,
Гомес аддамс зыркал клин.

Джа вымает дао слук,
Евшул шмыкнул Ра за хлой,
Ёлки-ребе-маца-рух –
Жезлом влуки по лбу... Ной?!

Злётить стая звероптиц,
Инок Лазарю Аллах
(Йоу!),
Клёчет взлётно Слово, ниц
Леда пала. Шезерлах!

Мон ами взыскует гот,
Ночь смызляет мызлю влёт,
Овен брумкает; раз в год
Папа Римский Бога ждет.

Ревза взает выю дыштел,
Совы клёкают в выши,
Тамерлан по степке скычел,
Уругвайцы шлют стиши.

Филос фаллос фалонет.
Хомцы мцыкают рагу.
Цветер ветрит солнцалет.
Чудно глазкать на Луну!

Шелустявые брякуши,
Щастелюбые блызи,
Т[Ъ]вердый знак в любви не нужен!
«Ы!» - вспрыгнули. – «Ы!-Ы!-Ы!»

М[Ь]ягкий знак в начале слова –
Эскапада, Э-рунда!
Ювелир, Магистр Слова –
Я ли?
Я ли?
Я ли я?

АННА ХАРИТОНОВА

Поэт, филолог. Выпускница кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова. Член Союза литераторов РФ.

Автор двух поэтических сборников: «Небо в оливках» и «Шито синими нитками». Стихотворения публиковались в журналах «Футурум АРТ», «Журнал ПОэтов», «Другое полушарие», в альманахе «Словесность», газете «Литературные известия», в сборнике «ГолосА».

***
Сухона вама
Сухона зыбь
Тё тёчка речка
Вом чти точь
цыч цыч цыч
чи-чиво
Плам ю
Плим о
– вёсла

***
Яманка –
Суона –
Эрофа –
Мариа не
Луа ка
Ратира
Эложа
Амиане
Курам – пана
Тера нам нам
Курам – пана
Тера нам нам
И инда хей!
И и лу та!

Аазия
и
высота

***
Паль – ба
Паль – ба
Сфонннн –
Клик.
У ушас
в
у ужах.
Помоги, Ту,
Кий там!

* * *
Жиц
Жёс
Прально
Тру ж о
фа та
Шоль
Шафа мне
Штурра
Зечь мурашками
Жале

МАРГАРИТА АЛЬ

Поэт-авангардист, литературовед по метаметафоре и русскому космизму, философ, перформансист, художник.

Автор пяти поэтических книг. Переведена на английский, французский, арабский, испанский, польский, китайский языки.

Член «ДООС» и «Академии ЗАУМИ», редактор журналов «ЛИФФТ» и «Журнал ПОэтов ДООС».

Президент Всемирной организации писателей (World Organization of Writers «WOW»).

АПРИОРИУМ

Бо
Боже
как же мы уязвимы

Бо
Боже
но как же мы прекрасно уязвимы

расстояние «вправо» = расстоянию «влево»
расстояние «вверх» = расстоянию «вниз»
расстояние «вперёд» = расстоянию «назад»
расстояние «в» = расстоянию «из»

О
ОО
ОО ОО ОО
О
ОО
ОО ОО ОО

эту
деревню
не обойтити
это
городище
не перелетети
циркулем сонцелетти
веером перпендикулятти

заливается благовей
вей
про великую благостонь
растекается благомиф
мифь
под небесную благозвонь

О
ОО
ОО ОО ОО
О
ОО
ОО ОО ОО

и справа и слева – небо
и сверху и снизу – небо
внутри и снаружи – небо
внутри и снаружи неба

люди целуют время
землёй прижимаясь к небу
пространство целуют дети
к земле прижимаясь небом

ходят по кругу
ходят
по кругу ходят
по кругу

по небу
земля и солнце
по людям
пространство время

по жизни
в повозке смерти
по смерти
в повозке жизни

повозке нельзя без круга
без круга нельзя в повозке

О
ОО
ОО ОО ОО
О
ОО
ОО ОО ОО

мысль когда-то была ребёнком
в этой купели
крестили
звёзды
мысль когда-то была небом
в этой купели
крестили
слово
слово когда-то мычали Боги
землю вскрывая корявым звуком
человек ещё не родился
а губы уже пели

О
ОО
ОО ОО ОО
О
ОО
ОО ОО ОО

эту
Планетарию
не облететти
эту
Вселенную
не перелететти
принципом дополните
законом пересекути

однажды
у этого слова
два ударения
три ударения
и так далее
этот остров без ооооооооооограничения

так созвездиями летят птицы
так вселенными летят люди
ничего лишнего
только
любовь

О
ОО
ОО ОО ОО
О
ОО
ОО ОО ОО

СЕРГЕЙ ТЕНЯТНИКОВ

Поэт, переводчик, видеопоэт. Автор нескольких книг стихов на русском и немецком языках.

Лауреат литературной премии Фонда им. В.П.Астафьева, Лауреат Международной Отметины имени отца русского футуризма Давида Бурлюка.

Член Союза российских писателей, Академии Зауми и Клуба писателей Кавказа. Член редакционного совета журнала «Веси» и оргкомитета Конкурса короткого рассказа «Здесь вам не Сибирь...» памяти В.П.Астафьева. Живёт в Москве.

КОШКА

«А сколько у тебя жизней?» —
спросила кошка и
выпрыгнула в окно.

ТЕКСТ

мой доктор прочитал этот текст
и молча выписал рецепт.

ЖАЖДА

мы все пьём одну и ту же воду,
и никак не можем напиться.

ВСЕЛЕННАЯ

я никогда, никогда не встречал
НЛО.
как же я одинок во Вселенной...

ХОЧЕТСЯ РАССКАЗАТЬ ПРИТЧУ

хочется
рассказать
притчу о птице
хочется очеловечиться

ОЧЕРЕДЬ

наверное, я умер
и не заметил этого.
где здесь берут номерок
в очередь на воскресенье?

ВЫБОР

всегда есть выбор
между остриём и ушком иголки –
выбор быть
бабочкой или верблюдом.

МИНУТА МОЛЧАНИЯ

молчи...

твоя минута подошла к концу.
следующий!

ГОЛОЛЁД

здесь дом стоял, а дождик шёл.
теперь здесь тоже хорошо:

и дом стоит, и снег лежит –
под головою гололёд бежит.

Я ВЫШЕЛ НА УЛИЦУ

я вышел на улицу,
но на улице никого не было.
и пошёл я сам себе навстречу.

18+
ВРЕМЯ. Информационно-просветительская газета. № 9 (сентябрь 2025). Выходит 1 раз в месяц.
Учредитель: СДК «Банк культурной информации». Главный редактор: Т.Е.Богина.
Адрес редакции и издателя: 620100, г. Екатеринбург, п/о 100, а/я 51.
E-mail: ukbkin@gmail.com Тираж 5000 экз. Распространяется бесплатно.
Зарегистрировано Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Уральскому федеральному округу ПИ № ТУ66-01274 от 30 января 2014 года.
Отпечатано в ООО Универсальная типография «Альфа Принт». 620049, Екатеринбург, пер. Автоматики, 2ж.
Печать офсетная. Подписано в печать 01.09.2025 по графику: 17-00, по факту: 17-00.